

Павел Иевлев

Хранители 6

Мультиверсума

Книга шестая

Небо над дорогой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Иевлев

**Хранители Мультиверсума.
Книга шестая: Небо над дорогой**

«Автор»

2023

Иевлев П. С.

Хранители Мультиверсума. Книга шестая: Небо над дорогой /
П. С. Иевлев — «Автор», 2023

Нельзя выбирать между свободой и безопасностью. Свобода — и есть
безопасность! Одно только небо едино между мирами, и кто чинил «УАЗик»
— починит всё!

© Иевлев П. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1. ДЕТИ НЕ ТО, ЧЕМ ОНИ КАЖУТСЯ	5
ГЛАВА 2. ЭЙФОРИЧЕСКИЙ МИЗАНТРОП	20
ГЛАВА 3. МИР БЕЗ ДУРАКОВ, КАК ЦИРК БЕЗ КЛОУНОВ	30
ГЛАВА 4. ЕГО ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬСТВО	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Павел Иевлев

Хранители Мультиверсума.

Книга шестая: Небо над дорогой

ГЛАВА 1. ДЕТИ НЕ ТО, ЧЕМ ОНИ КАЖУТСЯ

УАЗик канул в ничто буднично и скучно. Мгновение казалось, что в воздухе ещё висит его контур, но это, наверное, просто память сетчатки. Всё, ветер с моря развеял выхлоп, и как не бывало. Только следы «Гудричей» на пыльной дорожке. Увижу ли я его снова? Артём не произвёл на меня впечатление человека, способного запросто доехать и вернуться.

– Дядя Зелёный...

– Дитя, ты можешь звать меня каким-нибудь менее нелепым образом? – сказал я светло-волосой девочке, которая теперь стала моей проблемой.

Ещё одной моей проблемой.

– Не будь как твой квазипапашка. Будь умной.

– Он хороший! – запротестовала она.

– Вот именно.

Девочка укоризненно посмотрела на меня своими льдистыми, серо-зелёно-голубыми глазами. Красотка будет – отвал башки. Лет через несколько. Хорошо, что караулить её ухажёров с ружьём на балконе будет кто-нибудь другой.

– Он вернётся?

– Без понятия. Но в тотализаторе я бы на него не поставил.

Я стараюсь быть честным с детьми. Даже с чужими. Даже с приبلудными подкидышами, странными и чертовски подозрительными.

– Сергей... можно называть тебя... вас так?

– Отчего нет? Это моё имя. Можно на ты или на вы. Мне всё равно. Выбери, как тебе комфортней.

– Я ещё не решила. Вы мне не доверяете, я чувствую. Почему?

– Потому что я не доверяю никому.

– Вас кто-то предал? – сказала она Трогательным Голосом Хорошей Девочки. – Расскажите мне. Мне можно!

Ну да, ну да. Вот так она это и делает.

– Милое дитя, – произнёс я самым скучным тоном, – давай договоримся сразу. Я взял на себя определённые обязательства на твой счёт. Зря, конечно, но так вышло. В их рамках я честно сделаю, что могу. Сам сделаю, потому что так надо. Но манипулировать мной, как этим твоим «хорошим папой», даже не пробуй.

– Я вовсе не...

– Хватит, – покачал головой я, – ты уже назначила себе одного «папу», давай этим и ограничимся. Второй будет перебором.

– Вы всё поняли, да? Вы действительно очень умный!.. – хорошая попытка, но нет.

– Последнее предупреждение. Брошу в море и скажу, что так и было.

– Не бросите, – голос перестал быть берущим за сердце жалобно-убедительным, во взгляде что-то изменилось. Её уже не хотелось обнять, прижать к себе и, зарыдав от умиления, закрыть собственной задницей от этого жестокого мира. – Я знаю.

– Не брошу, – согласился я, – ветер восточный, вода холодная. Но впредь воздержись, пожалуйста.

– Хорошо. Я не специально!

– Врать тоже не надо. Вместе с опекунскими обязанностями переходят и некоторые родительские права. Например, драть ремнём за враньё.

– Я не!... – осеклась, задумалась. Вот такой она мне куда больше нравится. Нормальный ребенок, неглупый, себе на уме. Ну, почти нормальный.

– Хорошо. Не совсем специально. Я плохо это контролирую. Раньше со мной такого не было. Я слабенький эмпат, почти никакой. Меня даже в спецгруппу не отправили! А теперь что-то меняется.

– И зачем ты оседлала бедного Артёма? Он ведь думает, что втравил тебя в неприятности. Терзается, совестью едом. А на самом деле наоборот, да?

– Нет. Всё не так! – она затрясла белыми волосами. – Я честно не хотела ничего такого. То есть, наоборот, хотела, но... Не так!

– Запуталась? – спросил я сочувственно.

Я не испытывал к ней негатива. Люди постоянно друг другом манипулируют, дело обычное. Моя дочка Маша, когда закатывала глазки перед витриной с куклами, занималась ровно тем же самым. Просто эта девица умеет лучше.

– Вы сейчас подумали о чём-то грустном, да?

– Про дочь вспомнил, – не стал скрывать я, – но не надо тебе в это лезть. Вот реально не надо, поверь. Прикрути там краник своей эмпатии.

– Если бы я могла... Понимаете, он мне всегда нравился. Он лекции у нас читал, знаете?

– Ну, так. Не вникал.

– Я смотрела на него и думала, что хочу такого папу. Доброго, умного, с чувством юмора, чтобы много знал и интересно рассказывал. Мне рассказывал, понимаете, не всем? Чтобы сидеть у него на коленях, прижиматься крепко-крепко и слушать, слушать...

Глаза у неё заблестели слезами. Не поручусь, но, навскидку, сейчас она говорит искренне. Мне так кажется.

– Я ловила на себе его взгляд, и чувствовала, что я ему тоже нравлюсь. Он иногда думал, что хочет такую дочь. Я слабая эмпатка, но если на меня направлено, то чувствую.

Ну, для этого никакого колдунства не надо. Такое любая женщина чувствует.

– Я ни одной его лекции не пропустила. Задавала вопросы, чтобы он на меня смотрел, когда отвечает, чтобы чувствовать его одобрение. Воображала себе, как мы могли бы жить вместе, как я помогала бы ему готовиться к лекциям, как мы ходили бы гулять, и на озеро купаться, и везде. А вечером мы залезали бы вдвоём на одно кресло, и я бы обнимала его, а он бы рассказывал мне свои истории...

О, мать моя женщина! Вот её разобрало-то!

Настя смотрела мимо меня в море, по щекам текли слёзы, но она их не замечала и не вытирала. Да она реально по уши втрескалась! Наполовину – как ребёнок, наполовину – как женщина. И не скажу, какая половина больше. Попал Артём.

– А потом он исчез. Его лекции отменили. Ничего не сказали, нам никогда не говорят. Он же оператор, работа опасная, они часто пропадают без вести. Я уж думала, что всё. Жить не хотелось. Я сказала себе, что это глупо, что я слишком много фантазировала, что это недостойно коммунара, что надо учиться и работать... А потом он... пришёл. Попросил о помощи. И я вдруг так поверила, что всё возможно! Как в моих мечтах. Понимаете? И что-то изменилось. Я не сдержалась, я попросилась с ним, и я... Немного нечестно, да?

– Изрядно нечестно, – не стал щадить её я, – ты его конкретно подставила.

– Я, правда, не сразу поняла, что могу вот так. Чтобы по-моему. Никогда раньше... Мне казалось, что оно как-то само вот так... А потом всё так закрутилось! Да я убить за него была готова!

Девочку уже конкретно трясло и колотило. Вот истерики мне только тут не хватало.

– Всё, всё, заканчивай. Я понял. Ты не такая, ты ждёшь трамвая. Успокойся уже. Пойдём, покормлю тебя чем-нибудь сладким.

Немного быстрых углеводов для плачущих девочек. Капельку инсулиновой эйфории. Это помогает, на своей проверил. Эх...

Взял её за руку и слегка испугался – рука была вялая, влажная и холодная.

– Эй, ты нормально себя чувствуешь?

– Голова кружится, – слабым голосом сказала Настя, – и живот болит.

– Пошли, приляжешь.

Надеюсь, это стресс, а не... не что-нибудь. Я не доктор. Жену бы мою сюда, но... Эх.

Отвёл в башню, на второй этаж, в спальню почти донёс – ноги у неё подкашивались. Уложил на Машкину кровать. Прибежала Эли, уселась рядом, погладила по белым волосам. Вот тоже кусок проблемы. Если девочку я как-то смогу пристроить – не без труда, но есть пара идей, – то что делать с этим существом? Крошечная, ниже Насти, но вполне сформировавшаяся женщина. Сиськи и вот это всё. Не говорит, но что-то себе понимает. Красивая, даже немного чересчур – как куколка, но выглядит слишком экзотично, чтобы появиться с ней на Родине, чёрт бы её драл. Не Эли драл, Родину.

Сейчас я почти в бегах, потому что она Родина повернулась ко мне внезапно не самыми приятными своими органами. Нет, органы были, можно сказать, даже вежливы. Пригласили для беседы в кабинет. Там был благообразный пожилой сотрудник в штатском, который представился по имени-отчеству и без звания. Хотя звание у него наверняка было. Вёл себя подчеркнуто уважительно, не давил, не пугал, играл в понимание.

Но, когда я вышел на улицу, то прислонился к стеночке и пожалел, что давно не курю. Было неприятное ощущение захлопнувшейся мышеловки. На стеночке этой, возле входа, висела вделанная в камень старинная бронзовая табличка с надписью «Контора». Здание старое, так что, наверное, до эпохи исторического материализма какое-нибудь заводоуправление тут было, мануфактура какая-нибудь. Но я сразу понял – «Контора» и есть.

Конторский дал понять, что мои попытки скрыть дверку к морю – детский сад, штаны на лямках. Похвалил за находчивость, оценил понимание работы мониторинговых систем, поаплодировал техническим хитростям – но это было такое снисходительное одобрение. Как взрослый восхищается рисунком малыша: «Какая красивая собачка! Ах, не собачка, ослик? Да-да, я так и подумал. Отличный ослик!». Я был полный ослик, когда полагал, что Родина не обратит внимания на мои мелкие шалости с Мультиверсумом. Родина слышит. Родина знает. Родина на каждого имеет свои планы. На меня, как выяснилось, тоже.

Ничего особенного от меня не требовалось. Никто не собирался отнимать мою дачу у моря, не претендовал на мой пустой мир, не собирался строить там военные базы или лагеря строгого режима. Как я понял, проводники у Конторы на учёте, и в этом смысле я всего лишь один из многих. Волновала их не множественность миров, а вполне конкретные срезы, люди и сообщества. А именно – Коммуна, Альтерион и лично Ольга. Контора оказалась настолько глубоко в курсе моих обстоятельств, что мне стало реально не по себе. Они знали про жену и детей, про мои семейные проблемы и напряги с альтери, про то, что я знаком с Ольгой лично и даже что я был в Коммуне. Последний факт их особенно интересовал. Мне пришлось изложить все обстоятельства того визита, благо он был хотя и драматичным, но кратким. Вежливо, но очень твёрдо и настойчиво мне было рекомендовано немедленно ставить их в известность о любых контактах с представителями Коммуны. Особенно если это будет Ольга. О её появлении следовало докладывать немедленно и тайно, отправив сообщение на некий номер телефона – мой колхозно-самодельный комплект межрезервой связи всё ещё работал. Дальнейшие действия не

обсуждались, из чего я сделал вывод, что у них есть свои способы ко мне добраться. Сказать, что мне это не понравилось – вообще ничего не сказать. Я даже стал запирается в башне на ночь, хотя понимал, что это глупо и ни от чего не спасёт.

Кроме этого, Контора интересовалась социально-политическими аспектами жизни Альтериона, но тут от меня требовалось немного – всего лишь делать регулярные «аналитические срезы». То есть, примерно то, чем я и на основной работе занимался. Как я понимаю, проводники в Альтерион и без меня таскаются, но я, во-первых, знаю язык, во-вторых, умею работать с информацией, в-третьих, имею социальный статус «мехути мзее». Перевести это буквально нельзя. Нечто вроде «четверть гражданства для подозрительных старикашек из другого среза, на чьих детей наложил лапу Альтерион». По престижности и элитарности – уровень таджикского дворника в Москве, но даёт доступ к открытой общественной информации, а больше мне для работы ничего и не надо.

За это обещали довольно прилично доплачивать и велели «не стесняться, обращаться с любыми проблемами, мы можем помочь в самых неожиданных областях». Например, если Артём не вернётся, то у меня будет повод обратиться. Наверняка найдётся способ легализовать ничейную девочку, сделать ей документы, пристроить куда-нибудь. Но лучше бы он вернулся. Не хочу быть в должниках у Конторы. Да и девочку жалко.

– Что с ней, Эли?

Нашёл у кого спросить. Это как с котом разговаривать. Они для меня в одной категории – приятно посмотреть, приятно погладить, можно поговорить, если устраивает ответ «мряу». Зато едят немного. От Эли шерсти на брюках нет, но её длинный волос в кровати сложнее было бы объяснить жене. Впрочем, пусть это будет моей самой большой проблемой с женой. Я не против.

Эли беспокоилась, переживала. Эмпатка, как сказал Артём. Я пока ничего такого не заметил, но мы и знакомы недавно. Подёргала меня за рукав, заглянула в глаза – я почувствовал её тревогу. И правда, эмпатка. Ещё одна на мою голову. Странно – мне показалась, что она скорее испугана, чем сочувствует.

– Как ты? Что болит? – спросил у Насти.

– Живот. Внизу. Сильно.

– Дай пощупать.

Задрал платье, помял живот.

– Здесь?

– Ниже.

Живот не напряжен, боль внизу. По крайней мере, это не аппендицит. Больше ничего определённого сказать не могу. Вспотела, температура, кажется, повышена.

– Подожди, схожу за термометром. Чай тебе сделать?

– Не знаю... Да, наверное... Мне как-то очень странно в голове. Страшно. Хочется куда-то убежать.

– Лучше лежи. Потом побегаешь.

Чёрт, а если это что-то серьёзное? Куда я с ней? Если я её привезу в город в БСМП – примут или нет? Без документов, без полиса ОМС? Наверное, всё-таки примут, скорая же. Но потом будут вопросы. И как оно обернётся – не угадаешь. За дочку её не выдать, Машка сильно младше. В крайнем случае, придётся рискнуть, конечно. Если она тут загнётся, что я Артёму скажу?

Дать ей обезболивающее или нет? У меня есть альтерионская полевая аптечка, анальгетики там убойные, но они боль снимут, а причины её не уберут. Если везти в больницу – это только врачей с толку собьёт.

Лучшая в Мультиверсуме медицина у альтери. Там её точно вылечат и документов не спросят. Но с Альтерионом у меня теперь всё сложно. Точнее – полная жопа у меня с Альтерионом.

Начиналось всё довольное неплохо. Жена выносила и родила сына, от чего я сразу стал невозможно счастливый. Альтери обеспечили всё на высшем уровне: беременность, роды, уход и так далее. Бесплатно, моментально по первому требованию, никакой бюрократии. Нам бы так. Мы как родители Машки уже имели статус «мехути мзее» и даже получали на этом основании небольшое пособие. А за рождение второго жене выдали очень солидную премию в местной валюте. Эквивалент курсов с рублём я бы построить не взялся (в Альтерионе экономика абсолютно другая), но жить на эти деньги при наших небольших расходах можно было бы лет пять как минимум. С учётом того, что за жильё мы не платим, медицина для нас бесплатная, информационное обслуживание в пределах соцминимума дармовое, в дорогостоящей развлекательной движухе мы не участвуем, ездить нам тоже особо некуда. Жратва тут дешёвая и недурная, хотя на вкус многое непривычно. А вот энергия дорогая, но терпимо.

С тех пор, как Контора меня спалила, я уже не шифровался. Жил с женой в нашем альтерионском домике, на Родину катался как на работу, благо портал в башню альтери так и держали, уж не знаю почему. И денег не брали. Домашний расход энергии мы честно оплачивали со своих эмигрантских пособий, а портал-то, поди, побольше кофеварки жрёт.

Машка бодро лопотала на альтери, жена не отставала. Я решил – и тоже засунул башку в их дурмашину. Вылез – сначала ничего не почувствовал. Потом – раз, и понимаю, что по ихнему телеку бормочут. И читаю, что в их интернете написано. Но всё равно жили мы в относительной изоляции, не пытаюсь как-то вписаться в здешнее общество. Уж очень оно причудливо и непривычно устроено с их возрастной стратификацией и законами по «Делу Молодых». Общались поначалу только с Йози и его семейством. Он, кстати, неплохо устроился – открыл автосервис для обслуживания раритетных машин. Ингвар по своим каналам подгонял ему запчасти и целые автомобили – нормальный такой бизнес, вполне даже прибыльный. Не то, что я, бездельник на пособии. Йози звал меня к себе, но я отказался. Не хотелось вращаться в местную жизнь окончательно.

Работал по-прежнему аналитиком, причём теперь ещё и на Контору. На основной работе со мной разговаривали странно, так что, скорее всего, по внутренним каналам что-то такое узнали. Гнать не гнали, но по задачам подрезали. Я делал вид, что не замечаю, снижение рабочей загрузки мне было на руку, а потери по деньгам компенсировала Контора. Да и не особо мне нужны теперь были те деньги – зарплату почти не тратил, не на что. Впервые в жизни образовались какие-то накопления.

Иногда в гости забегала Криспи. Машка ей очень радовалась, ну и мы с женой тоже. Крис рассказывала сплетни из Совета Молодых, я их бессовестно использовал в отчётах. Она занимала там какую-то достаточно высокую позицию, хотя их табель о рангах для меня тёмный лес. Мы с ней много болтали о социальном устройстве общества – в том числе у нас, на Родине. Думаю, она это тоже использовала в каких-нибудь своих отчётах, так что всё честно. Кажется, я ей по-прежнему был симпатичен. Однажды осторожно поинтересовалась, не расположены ли мы к полигамии. Она, мол, так хорошо относится к нам обоим, что не прочь лечь между нами в койку, и ей всё равно, к кому задом, к кому передом. Ну да, в Альтерионе это вполне рядовое явление. Тут куда больше бы удивились тому, что Молодая сошлась с мзее, чем к браку на троих. В общем, хорошо, что она это у меня спросила, а не у жены. Боюсь, та бы ей навсегда от дома отказала, безмерно огорчив Машку. Вот кто, кстати, был бы за. Она даже меня спрашивала, почему я не могу ещё и на тёте Криспи жениться, она же такая хорошая?

Небось, сама Крис её и подбила. В общем, отказал максимально деликатно. Жену я о таком даже спрашивать не буду – ведь куда она дела пистолет-пулемёт, я так и не выяснил.

В общем, где-то с год мне казалось, что жизнь устаканилась. Но, разумеется, хрен там.

Однажды, вернувшись домой, застал неожиданных гостей. В гостиной у камина жена пила чай с роскошной знойной мулаткой, статной и кучерявой. Я её сразу узнал, а вот она меня – нет. Ну, или вида не подала. Но, похоже, не узнала – она меня тогда и не видела почти, я в УАЗе сидел, когда мы её у рейдеров забирали.

– Дорогой, это Эвелина.

– Очень приятно, Сергей.

– Здравствуйте, Сергей, – стрельнула в меня тёмными глазами гостья, – мы тут неподалёку от вас живём. Вот решила познакомиться.

– У неё сын Машкиного возраста, они там за домом играют.

Ну, как играют... Сын Эвелины больше похож на отца, чем на неё. Во всяком случае, как только я увидел этого худого нескладного белобрысого мальчугана, я сразу понял, кто отец. Вылитый Андрей, который Андираос. Но играть с ним не очень получалось даже у гиперконтактной Машки. Странненький такой пацан. Сначала мне показалось, что он аутист. Дочка вокруг него скачет, щебечет, игры ему предлагает – реакции ноль. Сидит, глазами лупает. Потом, когда он куда-то пошёл, мне показалось, что у него лёгкая форма ДЦП – какая-то раскоординированность в движениях, неловкая походка, неточные движения рук. А когда он стал обходить что-то невидимое, тыкать в пространство пальцем и негромко испуганно кричать тонким ломающимся голосом, я добавил к мысленному букету диагнозов шизофрению. Но ничего, разумеется, не сказал. Не кусается, и ладно.

Когда Эвелина откланялась и уехала на беспилотном такси домой, жена рассказала мне её историю. Кучерявая прибыла в Альтерион беременной – откуда именно, жена не уточняла, а я не стал сообщать, что уже видел мулатку раньше. Ленка ей ляпнет в разговоре случайно, может выйти неловко. В общем, альтери встретили её хорошо, она родила и села на пособие. Потом нашла какую-то полуработу вроде декоратора, я не очень понял, чего именно. На жизнь хватало – ведь ребёнок у неё сразу получил статус полного гражданина как урождённый альтери, а это означает, в том числе, и полное содержание его матери, работает она или нет. Любят тут детишек.

Как полный гражданин её Артур подлежал обязательной процедуре ментальной мотивации. Её проходят в семь лет все будущие Юные. Официально – получают базовый пакет знаний, как бы дошкольную подготовку, ну и как тут изящно формулируют, «прививается основной этически-мотивационный комплекс». Делается это той же дурмашиной, в которой я язык учил. Но на взрослых она слабо действует, нейронные связи устоялись, а вот детишкам как-то мощно мозги промывает. Что именно в этот комплекс входит – секрет, но, разумеется, только «самые благие и тщательно выверенные установки», ага. В Коммуне такую мозголомку тоже вовсю юзают, кстати, у альтери и взяли. В Альтерионе эта процедура вроде инициации – после неё будущий Юный перестаёт быть ребёнком, и его воспитание от родителей постепенно переходит к наставнику – Юному, который курирует его в школе и вообще учит жизни правильно, не как мзее. Потом ребёнок подрастает, сам становится полноправным Юным – ну и так далее. Там сложная система, это я схематически.

Так вот, иногда, очень редко, дурмашина дает сбой, и мотивационный комплекс слетает. А вместе с ним слетает и крышечка с чайничка. Вот Артур и стал таким, какой он сейчас. Совсем недавно это случилось, а до того был нормальный пацан. Не представляю, каково Эвелине. Альтерионские врачи, при всём их кудесничестве, это не лечат. И самое главное – если у ребёнка есть талант проводника, вероятность такого сбоя сильно вырастает. А выявлять

проводников заранее альтери, в отличие от Коммуны, не умеют, поскольку среди альтери их почти не случается. В общем, вероятность сбоя считается пренебрежимо малой: «Не повезло, бывает». Ребёнка у Эвелины мягко предлагают забрать, но она, разумеется, не отдаёт.

Эта история подняла со дна наших семейных отношений спор, который мы ведём уже второй год. Принимать или не принимать нашим детям гражданство альтери? По Машке решать надо вот-вот, ей уже семь. Или она получает свой статус, или мы теряем наш. Надо понимать, что альтерионцы, при всей их обходительности, не такие бескорыстные, как кажутся. Тут серьёзнейшие демографические проблемы, и местные рады любым детям. Но при одном условии – это будут дети Альтериона. Аборигены готовы содержать нас, никчёмных мигрантов-мзее, но только если наш ребёнок будет альтери. Это не благотворительность, а инвестиция. Не знаю, в чём конкретно выразится их неудовольствие, если их инвестпроект лопнет, и проверять не хочу. Может быть, нас лишат пособия и выкинут пинком под зад. Может, потребуют вернуть потраченные на нас средства, включая плату за постоянный портал. А поскольку расплатиться нам нечем, то последствия могут быть самые печальные. Я ещё помню, как они с Андреем хотели обойтись, у меня иллюзий на счёт их гуманности с тех пор нет.

Моя позиция – не надо нам такого счастья. Не хочу, чтобы моей дочери мозговую клизму ставили. Не верю в благие намерения отдельных людей, организаций и государственных служб. То есть они, конечно, благие, но большой вопрос – для кого именно. Давай, говорю, драгоценная супруга, собирать манатки и валить домой. Погостили в чужих людях – и будет. Родила второго во благодати местной медицины, подрастила в ней же – и хватит. Ребёночек, хвала Мирозданию, здоровенький, дальше сами. Простуду и у нас нормально лечат.

Но это моя позиция.

У жены всё сложно. Она как бы и согласна со мной, но обычно говорит так:

– Послушай, дорогой. Во-первых, вон у Йози старший уже процедуру прошёл, и ничего – рога и копыта не выросли. Пацан как пацан. Наставник теперь у него из Юных, и что? Это как со старшим братом гулять. Тому Юному самому лет шестнадцать, детство в жопе играет, они вместе гонзуют – волосы назад. Не вижу ничего страшного.

Во-вторых, здесь тихо, стабильно, сытно и безопасно. А у нас на Родине вон совсем недавно чуть пиздец всему не приснился. Так-то вроде пронесло, но кто поручится, что снова не начнётся? Ну да, скучновато тут, но тебе-то никто не запрещает твою работу дурацкую?

В-третьих, будут наши дети альтери, ну и что? Можно подумать, когда-то дети были такими же, как родители. Не факт, что на Родине мы не потеряем их быстрее.

В-четвёртых, – и это важно! – я записалась на поддерживающий курс косметического омоложения. У нас такого ещё лет сто не будет! Это просто чудо какое-то! Вот, посмотри, у меня такой груди даже до первых родов не было! Нет, ты потрогай...

Разумеется, по предъявлении последней пары аргументов, действительно восстановивших свою прекрасную форму, всякая дальнейшая дискуссия становилась невозможна.

Но на этот раз и я был настроен всерьёз, и ребёнок Эвелины всё-таки произвёл впечатление. Я не знаю точно, наследуется ли талант проводника – мой талант – но Андрей проводник и его сын проводник. Был бы, если б ему не выжгли в мозгу автограф «тут были альтери». Ну и что, что Машка никак этого не проявляет – а как она, по-твоему, должна это проявлять? Я тоже не проявлял, а теперь поди ж ты. А сын? Он у нас ребёнок необычный – тихий, задумчивый, очень сообразительный и для своего года развитый. А ну как это в нём будущий талант говорит? А мы его башкой в мозгоёбку? Ну да, ещё шесть лет, но ты же понимаешь – если Машку сдадим, то уже не спрыгнешь с этого паровоза. Будет заложницей. Давил, в общем, на материнские страхи.

Полночи просидели в гостиной, спорили. Два раза поругались в сопли и слюни, один раз уходили в спальню по-быстрому мириться, возвращались, пили кофе, спорили дальше.

Уговорил. Потребовала пообещать, что, если у неё сиськи обвиснут, я её не брошу. И мне уже даже смешно не было. Пообещал, крест на пузе.

Решили потихоньку собираться и, не откладывая, рвать когти. Я сказал, что подгоню через портал микроавтобус, покидаем туда шмотьё и уедем. Сегодня же подгоню, потому что знаю я тебя, дорогая, – так и замотаешь неприятное решение, откладывая день за днём. Что соберёшь – то и увезу, ждать не буду. Нервно мне что-то. Плохое предчувствие.

Договорились.

Утром я ушёл через портал к башне – и за моей спиной он погас. А ведь мелькала же мысль, что нас могут слушать! Расслабился я в этом чёртовом Альтерионе, дома бы так не лопухнулся. Как я разозлился – слов не хватит. А когда я злюсь, голова у меня работает быстро.

Проехал домой в гаражи, метнулся в банк, снял наличку. Доехал до знакомых трофистов, купил у них подержанную «Ниву» – ржавую, мятую и страшную, как жизнь моя, но лифтованную, на приличной резине и по агрегатам более-менее живую. По документам она из-за замены агрегатов проблемная, так что без оформления – зато и недорого. Обещал, что штрафы за неё приходить не будут. Эх, как я тогда жалел, что отдал УАЗик! Микрик у меня городской, его проходимость имеет величину скорее отрицательную. Ребята помогли перегнать «Ниву» в Гаражище. Там я с ними распрощался, и обе машины выкатил на ту сторону. А затем, взяв на борт побольше топлива, запас жратвы и пистолет, поехал. Через срез Йири, памятный овраг и сарай – там, где давно и началась вся эта история. Когда-то я там шёл вторым номером за Андреевым «Патриотом», но теперь распрекрасно проехал сам. Очень надо было.

Выехал в гламурный альтерионский гараж, где мне когда-то номера меняли и маячок вешали. Механики там были другие, и, кажется, хотели что-то возразить – но, увидев пистолет, передумали. Открыли ворота и выпустили. Но уехал я, увы, недалеко.

Я был в такой ярости, что был готов прорываться к семье силой, отстреливаясь до последнего патрона, брать заложников и вообще вести себя непринужденно, но... Меня догнала какая-то летающая штука и так хлопнула по машине ЭМИ, что аж магнитола задымилась. Уазику было бы насрать, но тут коммутатор электронный. Он сдох, и меня приняли, срубив чем-то нелетальным. Они по этим делам большие затейники, альтери-то.

Думаю, если бы не Криспи, познакомился бы я с их пенитенциарной системой. А то и вовсе постигла бы меня судьба, от которой я некогда избавил Андрея. Но хорошая девочка таки отмазала меня властью Совета. Семью мне даже издали не показали, но приняли во внимание моё искреннее (Да хуй там!) раскаяние и обещание так больше не делать (Ага, щазз!). Ну и то, что формально мне никто возвращаться не запрещал, тоже учли. Ниву не вернули, пистолет тоже, закинули порталом к башне и пальчиком погрозили. Ладно, чёрт с ней, с «Нивой», недорого взял. Да и пистолет у меня ещё один есть – «Глок», с Даггера снятый. А вот то, что я в Альтерионе официально стал «нон грата» и никак не могу помешать дожимать там жену до нужного решения – это куда хуже. Криспи прошла со мной, попросила не делать больше глупостей, обещала вскоре объявиться и обсудить варианты. Чмокнула в щеку, велела ждать, ушла. Портал погас.

Жду вот теперь.

Температура у девочки оказалась небольшая, тридцать семь и две. Чай она выпила, сразу покрывшись от него обильным потом. Эли сложила свои лапки на Настин живот, и её немного отпустило. Правда, живот тут же заболел у меня. Кто из них это транслировал – понятия не имею, но, если ребенку от этого легче – потерплю. Это же просто боль, ничего со мной от неё не случится. Хуже было то, что от Насти волнами шла какая-то нервозность и панические порывы. Это мешало. Жить с эмпатами – то ещё наказание, оказывается. Не завидую Артёму. Интересно, какая у неё дальнобойность? Внизу в башне меня доставало, и на берегу было

ничуть не легче. Ловлю себя на том, что мне срочно надо ехать куда-то. Куда? Зачем? Чёрт его знает. Крайне неприятное состояние. А ведь самой девочке, поди, куда хуже. Бедный ребёнок. Что же мне с ней делать? В таком состоянии даже больница не вариант – разбегутся врачи, не понимая куда. Я сам чуть не разбежался.

Сел за ноутбук, поковыряться в собранных у Артёма сведениях. Я ему, разумеется, далеко не все выводы сообщил. Он мне не заказчик, я ему ничего не должен. Но белых пятен в этой истории хватает. А вот данных, наоборот, не хватает. Артём удивительно ненаблюдательный тип: ходил посреди всего, глазами хлопал, всё проморгал. Надо будет Настю аккуратно порасспрашивать, она, мне кажется, девочка умненькая. Как бы даже не слишком. Но это потом, когда ей легче станет. И тут меня накрыло таким приступом чужого ужаса, что я взлетел на второй этаж аки птица, столкнувшись наверху лестницы с Эли. Глазёнки выпучила, в меня вцепилась, саму трясёт.

Настя поднялась на кровати, бледная как смерть, смотрит вниз на живот, по простыне расплывается кровавое пятно... Мощностъ трансляции паники такая, что у меня сейчас из ушей дым пойдёт. Хорошо, что я кабан здоровый и к сердечным болезням не склонный, а то мог бы и кони двинуть. Тьфу на вас, девочки.

– У тебя что, никогда раньше месячных не было?

– Нет... Нам рассказывали, но я не знала, что это так больно!

– Слыхал, что бывает, особенно поначалу. Потом цикл установится, будет легче. Но некоторые всю жизнь мучаются, увы. Тебе сколько лет-то?

– Точно неизвестно, я же из «контингента». Считается, что тринадцать. Но может быть и четырнадцать.

– Ну, самое время, значит. Не переживай. Пойдём, помогу тебе в душ спуститься. У тебя бельё запасное есть?

– Есть, в рюкзачке моём.

«Контингент», ишь ты. Отлично в Коммуне приёмных детишек называют. Душевно так.

Поискал в вещах жены и нашёл гигиенические средства. Закинул испачканные простыни в стиральную машину, бельё и платье туда же. Перетряхнул маленький Настин рюкзачок. Обнаружил несколько книжек – два учебника, по алгебре и по химии, незнакомого издания, наверное, коммунарские, и что-то художественное, для девочек, про любовь – если судить по обложке. Автор незнаком.

Вытряхнул на кровать забавную мягкую игрушку, вроде пушистого хомячка, пухлощёккую куклу трогательно-советского вида, тонкий свитер с вывязанным на нём зайцем, носочки-трусики в отдельном тканевом мешочке. Выдал девочке бельё и прокладки. Надеюсь, учить пользоваться не надо. Я, по понятным причинам, не специалист. Платья запасного у неё нет – нарядил в Ленкину пижаму-кугуруми в виде енота. С ушками на капюшоне. Она Насте велика, но так даже трогательнее. Очень ми-ми-ми.

– Ну как, легче тебе?

– Да, спасибо, – ответила Настя, вытирая свои белые, как снег, волосы полотенцем. – Болит ещё, но уже не так сильно. И трясёт почему-то. То жарко, то холодно.

– Гормоны. Знаешь, что это такое?

– Да, нам рассказывали. Спасибо вам, я запаниковала.

– Не за что, дело житейское. Всё нормально теперь?

– Не знаю... наверное, но...

– Что такое?

Девочка явно колебалась, стоит ли рассказывать. Мне, в общем, до чужих секретов дела нет, но, пока она на моем попечении, лучше бы знать, какие ещё неприятности из этого последуют. Что последуют – я почему-то ничуть не сомневаюсь.

– Со мной... что-то не так. Мне хочется... всякого. Странного.

– Огурцов с вареньем?

– Нет, – фыркнула она, – не огурцов. Мне хочется куда-то идти и что-то сделать. Но я не знаю, что именно и зачем. Хотя это кажется очень важным, и одновременно – я понятия не имею почему. Как будто я с ума сошла, понимаете?

– Скорее чувствую.

– Простите, это, наверное, из-за меня. И Эли теперь меня боится. Я не могу это контролировать, со мной что-то не так!

Её опять затрясло.

– Мне страшно!

Мне тоже стало не по себе. Очень некомфортно быть рядом с истерящим эмпатом.

– Давай будем считать, что это гормоны и это пройдёт, ладно? Я не знаю, как действует половое созревание на юных эмпатов, может, именно так. Надеюсь, скоро вернётся твой папа-хен и дальше это будет его проблемой.

– Вы ему не скажете? Ну, что я его... немного...

– Использовала? Заставила? Шантажировала ложным чувством вины? Манипулировала отцовскими чувствами? Проехалась на нём...

– Не надо! Я не... Простите, простите меня! – вот, опять слезы.

– А я-то чего? Мне тебя прощать не за что.

– Я больше так не буду! Я всё поняла!

Ну да, ну да. Так я и поверил. Вот прямо вижу перед собой женщину (ладно, будущую женщину), которая добровольно откажется манипулировать окружающими. Это из разряда розовых фей и какающих радугами единорогов. Но это, опять же, не моя проблема.

– Я не скажу. Он, вроде, с виду совершеннолетний, сам должен голову на плечах иметь. Но на твоём месте я бы хорошо подумал. Нечестность в отношениях не работает в долгую. Когда-нибудь аукнется.

– Я расскажу ему... потом.

Не верю ни единому слову. Но мне плевать. У меня своих заморочек хватает.

Отвёл наверх, уложил спать. И сам пошёл, дело к ночи.

Хотя умотался за день прилично, спал отвратительно – снилась какая-то тревожная муть, просыпался в поту с порывом куда-то бежать и ощущением, что забыл что-то важное и мне теперь за это что-то будет. Как будто дедлайн по работе провтыкал. Мерзкое ощущение. Но потом ко мне пришла сонная Эли, заползла подмышку, свернулась калачиком, устроилась головой на плече, и такая она оказалась уютная и приятная, что меня отпустило. Обнял её как котика и уснул. Эмпаты, оказывается, не только вредны, но и полезны.

А утром, аккурат после завтрака, когда я покормил свой контактный зоопарк молочной кашей и напоил чаем, заявила та, кого я давно ждал – Ольга. Я сразу, как Артёма на УАЗике увидел, понял – этот визит неизбежен. Не знаю, что он там себе про неё думает, но я ещё тогда, когда мы на троллейбусе гоняли, подумал: не отпустит она его так просто. Не та порода. Он ей, может, и не нужен уже – но, что было её, то другим не отдаст. Первостатейная сука.

Настя с утра выглядела лучше, но только в физическом плане. Температуры нет, живот болит, но не сильно, аппетит хороший. А вот ментально от неё так и шибало. Всё утро ходил нервный и дёргался, самое то гостей встречать.

Гости дорогие припёрлись пешедралом, то есть, надо полагать, от Чёрной Цитадели шли. От тамошнего репера. Ольга, Андрей, и этот, забыл, как его. Еврей с пулемётом.

– Здрасьте, давно не виделись, – сказал я неласково, – чего надо?

– Где он, – с места полезла в залупу рыжая, – где этот козёл?

– Это вы, – говорю, – барышня, репером промахнулись. У меня тут не скотобаза и не выпас. Выход, если что, там.

И рукой махнул в сторону Цитадели. Типа она не в курсе.

– Так, – отчеканила Ольга, – шутки кончились. Мне нужна моя винтовка. Мне нужна машина с резонаторами. Мне нужны пропавшие дети. Мне нужен беглый дезертир, который всё это приволок сюда. И мне это нужно СЕЙЧАС!

Под конец сорвалась на крик. Глаза лютые. Всерьёз её разобрало.

– Иди в жопу, дура старая.

Развернулся и в башню ушёл. Спокойным таким шагом, как так и надо. Ворота закрыл за собой, а в них без штурмового тарана стучать без толку.

– Что там? – спросила Настя.

– Да так, явление рыжей бестии.

– Ольга! Я её боюсь, она...

– Наверх иди, сиди там тихо. И Эли прихвати.

Я же взял коммунарскую электроружбайку, залез изнутри на окно правого крыла и присел там так, чтобы меня снизу не видно было. Винтовку включил на всякий случай, хотя воевать не собираюсь. Хрен я её отдам. Ольга в прошлый раз мою заиграла, так что это компенсация.

– Ну и что теперь? – спросил недовольно еврей-с-пулемётом. – В осаду садиться? Так он там может год просидеть, если еды хватает.

– Зря ты буром попёрла, – добавил Андрей.

– А ты вообще заткнись, тебя не спросила!

Вот о чём я. Это не многомудрая глава внешней разведки сейчас внизу командует, а оскорблённая баба на говно исходит. И я это понимаю, и подчинённые это понимают, и даже она это каким-то краем понимает, но её несёт. Потому что пока отвергнувший её Артём уныло сидел в Коммуне и был в шаговой доступности, ей было на него как бы плевать. Всё равно в её власти, что хотела с ним, то и делала. А когда он взбрыкнул, повёл свою линию, да ещё и обрёл трёх юных красавиц в жёны – вот тут она клина и словила.

Впрочем, я её недооценил. Шипела, ругалась и ножкой топала она всего-то минут десять. Потом взяла себя в руки. Двери пару раз пнула, ногу отбила и успокоилась. Ох, не любит она меня сейчас! Но мне как бы и похуй. Я тоже к ней без восторга. У меня вообще телефон лежит в готовности. Смс-ка условная набрана, один тап – и уйдёт куда надо, сеть через гараж подключена. Отослать? Или не надо?

– Эй, как там, тебя, Зелёный! Я знаю, ты меня слышишь!

– Тебя глухой услышит, так орать-то.

Покрутила головой на звук. Я показался в проёме окна, винтовку не прячу. Они у меня тут как на ладони, а из этой штуки слепой ребёнок не промахнётся.

– Мне нужны...

– Моя одежда и мотоцикл, я уже понял. Пойди ещё дверь попинай и подумай.

– Причём тут мотоцикл? – спросила она у Андрея.

Тот только плечами пожал.

– Кино такое. Цитата, – коротко пояснил пулемётчик.

– Ладно, поняла. Извиняюсь, была неправа, больше не повторится. Нервы, погода, обстановка...

– Климакс... – добавил я тихо.

– Не нарывайся!

– А то что?

Ольга подошла и ещё пару раз пнула дверь. Помогло.

– Давай начнём сначала. Здравствуй, Зелёный. Если тебя не затруднит, не мог бы ты уделить нам немного своего времени?

– Весь внимание, барышня.

- Внутри не пригласишь?
- Мне и отсюда прекрасно слышно.
- Боишься?
- Боюсь, – честно признался я. – Меня вообще легко напугать, я по жизни ссыкло. Вот, на холмике кресты в линейчку, видишь? В основном это люди, которых я испугался. Нам, трусам, надо как-то выживать, это вам, героям, всё легко даётся.
- Всё-всё, хватит, – примирительно сказала Ольга, – я, правда, осознала и успокоилась. Я не права, ты нам ничего не должен. Давай договариваться.
- Озвучивай предложение.
- Что мне надо – ты уже слышал. Что ты хочешь взамен?
- Давай по пунктам. Номер раз – винтовка. Не отдам. Или мою верни. В твои руки что попало – то пропало, мне через вас сплошной убыток.
- Чёрт с ней. Дальше.
- УАЗик. Он вообще мой. Могу ПТС показать, там моё фамилие вписано и штамп ГИБДД стоит. Что вы там на него навешали – ваши проблемы. Кому хочу, тому и даю кататься. И, кстати, он всё равно уехал.
- Дальше.
- Артём. Он, конечно, дурак дураком, но так-то уже большой мальчик. Я ему не сторож.
- Просто скажи, куда он поехал. Я почему-то не вижу его больше с Дороги. Видела, видела – и нету.
- Печально слышать. Он так ничего был парнишка, хотя и клинически наивный. Эх, пропал УАЗик...
- Он жив, я бы почувствовала.
- Ну, если объявится, передам ему привет.
- Куда. Он. Поехал!
- Упорхнул на крыльях любви. У него там – слышала? – три жены, одна другой краше. Предаётся, небось, нехитрым радостям полигамии, султан хулев. Я так понял, что одна из них тоже рыжая. Только помоложе.
- Куда именно?
- Надо же, не отреагировала на толстый троллинг. Видать, и правда, взяла себя в руки.
- Вот тут я без понятия, честно. У него какой-то маячок был, но я в ваших стрёмных путях не разбираюсь. Что-то ещё? А то мне обед пора готовить, да и вам путь неблизкий.
- Дети.
- Какие ещё дети?
- Настя Миленская, воспитанница Коммуны.
- Воспитанница, значит, не «контингент»?
- Я не люблю это слово, – поморщилась Ольга, – зря его используют. Но тем не менее. Настя и... Как там её. Впрочем, постельную грелку эту можешь себе оставить. Продезинфицировать перед употреблением не забудь.
- Эка её цепляет, поди ж ты. Ох, женщины-женщины...
- А чего она Миленская?
- По фамилии курирующей воспитательницы. Это важно?
- Нет. Просто спросил.
- Она здесь? Или этот лишенец-педофил её в гарем уволок? Четвёртой?
- Злитесь, злитесь рыжая. Ух, как злитесь!
- Здесь, – не стал врать я, – но назад в ряды «контингента» не рвётся. И я её, в целом, понимаю.
- С ней всё нормально? Ничего странного, необычного, пугающего?
- Интересно девки пляшут...

- С чего такие вопросы?
- Есть одна гипотеза. Могу я её увидеть?
- Моё доверие к вам, мадам, безгранично, но только до тех пор, пока вы там, а я тут.

И винтовка у меня.

– Я найду одна и без оружия. Я просто поговорю с девочкой. Я не буду пытаться захватить её силой, заставить, запугать и так далее. Она мне не нужна.

Чёрта с два бы я согласился, если бы не состояние Насти, которое меня пугает. Однако Ольга вполне может знать, в чём причина. Она куда больше меня знает так-то. Только вот верить ей особо не стоит.

– Настя, спустись, пожалуйста. И не бойся, ничего она тебе не сделает. Я прослежу.

И всё равно, страхом от девочки фонило так, что даже Ольга передёргивалась.

– И давно она так сифонит?

– Со вчера. Месячные начались и понеслось.

– Гормональный шторм, – кивнула рыжая, – сработал как триггер. Могу я с ней поговорить наедине? Чисто о женском?

– Настя?

– Я справлюсь.

– Если что – я рядом.

– И тебя она зацепила? – ухмыльнулась Ольга.

– Нет, – покачал головой я, – у меня черепная кость толстая. Это рассудочное решение.

– Блажен, кто верует...

Ну да, ну да. Я им обеим не сильно доверяю, но, если выбирать, то поверю Насте. У неё опыта меньше.

Вышел во двор, оставил их в зале. Поздоровался с Андреем.

– Бывшую твою видал.

– Эвелину? Серьёзно? Как она? Как ребёнок?

Ишь, распереживался.

– Ребёнок на тебя похож, не повезло. Мог бы быть красавчик, в маму.

Пулемётчик, не стесняясь, заржал.

– Как они? Как там? Что с ними? Всё хорошо?

– Да не особо.

Рассказал ему про ребёнка, про то, как ему альтери в голову насрали, а теперь забрать хотят.

– Вот бляди! – забегал кругами Андрей. – Какие же бляди, боже мой! Скажи ей, чтобы ни в коем случае не соглашалась! Ни за что! Ты знаешь, что они с ним сделают?

– Нет.

– То же самое, что со мной собирались.

– Ты охренел? – поразился я. – Это же ребёнок! Он же не виноват ни в чём!

– Ты не понял, да? Дело не в том, что он или я виноваты. Дело в другом. У Альтери с тех пор, как там «Дело молодых», проводников нет. Потому что ментальная коррекция калечит всех, в ком есть талант. Не совместима она с ним. В Коммуне детей до процедуры тестируют. И тех, у кого есть способности, отбирают в спецгруппу, через машину не пропускают, по старинке дрессируют. Эвелина из таких. А альтери так не умеют. При этом соседние срезы они осваивают только вперёд. Ты думаешь, как?

– Не думаю я об этом.

– А зря. Они берут проводника и делают с ним... Вот это.

– Да ну нахуй? – поразился я. – Зачем?

– Получают таким образом... биопрепарат. Мозги в банке. Управляющую часть портала.

И искалеченные дети для этого тоже отлично подходят. Как и мы с тобой. Так что ты им лучше

не попадайся. И Эвелине скажи – пусть не отдаёт моего сына! Я придумаю, как их вытащить! Она примет от меня помощь, как ты думаешь? Расстались мы не очень...

– Она, я думаю, от чёрта лысого теперь помощь примет. Но есть одна засада – меня туда больше не пускают.

Я рассказал Андрею про свой позорный конфуз с кавалерийской атакой на «Ниве». Он ещё немного побегал по двору кругами, поматерился, потом решился-таки.

– Помнишь мой дом в Кендлере? В городе Йири? Ты туда приходил как-то.

– Помню, – подтвердил я.

– Там есть проход в подвале.

– Я догадался. Но что толку, если меня с той стороны сразу примут?

– Нет, ты послушай. Там раньше мои ребята сидели, в гаражах альтерионских. Канальчик мы там держали, импорт-экспорт, всё такое.

– Контрабанда.

– Разумеется. Так вот, сейчас там никого нет, но есть моя записка. Для себя держал, на всякий случай. Проходишь в смежный бокс через дверку за стеллажом, там стоит такси-автономка. На подзарядке, батареи должны быть полные. Фокус в том, что машина хакнутая. Она не сдаст тебя системе, для системы её нет. Голосовой помощник отключён, вобьёшь адрес с клавиатуры. Ты же умеешь на альтери?

– Умею.

– Доедешь невидимкой. К самому дому не подъезжай, подай там сигнал, что ли... Придумай что-нибудь. Соберёшь своих, Эвелину с сыном – и назад. Тесно будет, машинка маленькая, но потерпите. Вещи все бросайте, чёрт с ними... Сделаешь?

– Попробую.

План выглядел сомнительным.

– О, мадам командир возвращается. Не говори ей ничего! Я ещё вернусь, притащу планшет Эвелины. Он у меня спрятан в одном месте. С ним она сможет куда угодно, не достанут.

Ольга имела вид крайне недовольный, и, пожалуй, встревоженный.

– Так, собираемся, надо срочно в Коммуну, – это своим.

– Давай отойдём, разговор есть, – это мне.

Отошли, присели на лавочке у берега. Красиво тут – море, солнце, чистый горизонт. Но проблемы везде достанут.

– У девочки был внедрённый комплекс.

– Ну, вы же его всем...

– Не наш. Его наложили до того, как она к нам попала. Наш лёг поверх, и всё было почти гладко. Она показала небольшие отклонения на тестировании, но не настолько, чтобы переводить в спецгруппу. За ней приглядывали, но так, вполглаза. Среди контингента попадаются дети с разными способностями, в Мультиверсуме чего только ни бывает. Но стресс вызвал гормональный выброс, и её программа активировалась. Криво, со сбоем, но запустилась.

– Программа чего?

– Она спящий агент Комспаса. Мы недавно только начали подозревать, как они ухитряются к нам кротов засылать, при том, что у нас постороннего внедрить очень сложно. Оказывается, накладывают программы детям. Массово. Потом сливают их работникам, которые с нами работают. Какая-то часть детей гибнет, какая-то сходит с ума, но некоторые к нам попадают. Возможно, с этим связан и внезапно выросший процент брака при наложении мотивационного комплекса – конфликт программ. Но сколько-то проходит все проверки, и закладка не конфликтует. Возможно, и у Насти всё было бы штатно, если бы не стресс и бурный пубертат.

– И что теперь с ней будет?

– Без понятия. Мне плевать. Это твоя проблема. Моя – придумать, как выявить других таких же. Так что мне пора.

– Эй, а что мне делать-то?

– Что хочешь. Разве что совет – давай снотворное. Пусть больше спит, пока месячные.

Потом уровень гормонов упадёт, она вернётся в норму. Насколько это для неё возможно.

– Ну офигеть теперь...

– Да, есть ещё одно предложение. Башню продать не хочешь?

– Это шутка такая? После какого слова смеяться?

– Я серьёзно. У тебя в подвале – зарядная станция. Она, помимо прочего, заряжает аккумуляторы.

У нас есть своя, расположенная удобнее, но у неё два недостатка. Во-первых, про неё знает Комспас. Они уже однажды пытались её отбить и могут попробовать снова. Во-вторых, у неё, похоже, кончается ресурс.

– Разве они не вечные?

– Нет ничего вечного. Там такие кубические кристаллы в основании. Они срабатываются.

Сначала выдают меньше и меньше энергии, а потом – просто рассыпаются в пыль. Наши уже начали деградировать.

– И вы хотите отжать башню у меня?

– Да, – сказала она честно. – Хотим. Всё равно её у тебя кто-нибудь отожмёт. Ты включал маяк, это многие засекли. Не сразу, но тебя найдут. И мы готовы что-то дать взамен, а они – не факт. Подумай над этим. Ещё увидимся.

– Вот блядство, – сказал я, рассеяно глядя ей вслед. Красивая задница, кстати. Но новости эта баба всегда приносит поганые.

Может, и зря не отослал смс-ку.

ГЛАВА 2. ЭЙФОРИЧЕСКИЙ МИЗАНТРОП

– Зря вы не отослали смс-ку, Сергей.

– Да как-то, знаете, не было подходящего момента, Анатолий Евгеньевич, – повинился я, – люди с оружием, нервная обстановка, всё так внезапно.

Вот откуда они узнали, а? Как? Буквально через пять минут позвонил мой личный куратор в штатском. Жучок у них, что ли, тут где-то стоит?

– Значит, говорите, ушла, но обещала вернуться?

– Да, чисто Карлсон. Очень внезапная дама.

– Ольга – опасная женщина... – голос в трубке стал таким задушевым и вкрадчивым, что я немедленно напрягся.

– Сергей, я ценю наше сотрудничество и хотел бы обезопасить вас на случай вот таких внезапных визитов агрессивных людей с оружием. Давайте мы разместим у вас пару наших сотрудников? Они никак вас не стеснят, обещаю. Вы их даже не заметите.

Ну конечно. Всю жизнь мечтал, чтобы у меня дома обреталась парочка «совершенно незаметных сотрудников».

– Нет-нет, Анатолий Евгеньевич, это лишнее! – добавил в голос идиотического оптимизма. – Я сам прекрасно справляюсь!

– Смотрите, Сергей, если вы в следующий раз при визите Ольги – или кого угодно другого – снова не сможете вовремя отправить сообщение, мне придётся настаивать на размещении наших сотрудников. Нам слишком важна ваша безопасность.

– Ой, что-то вы пропадаете, связь...

Я махнул рукой в сторону прохода, закрывая его. Даже если тут действительно жучок, он не сможет ничего передать, пока не открою обратно. Надо заканчивать практику держать открытые проходы, даже если это означает потерю связи и, как следствие, проблемы на работе. Опасаюсь, что в следующий раз моего согласия на «размещение сотрудников» вовсе не спросят. Чёрт, поле возможностей всё сильнее сужается. Почему нельзя оставить меня в покое?

Риторический вопрос. Ответ – «по кочану».

– Как ты себя чувствуешь, немочь бледная?

– Хорошо, совсем ничего не болит.

Дал ей волшебную таблетку из альтерионской аптечки. Теперь ей можно ногу оторвать – и ничего болеть не будет. И никаких побочных, что самое удивительное. Крутые они ребята, альтери. Даже жаль, что такие гондоны.

– Ольга сказала, что я...

– Мне она тоже это сказала.

– Как же теперь?

– Кверху каком, юная леди.

Фыркнула, сбавив градус трагизма. Уже лучше, а то фонит. Такой излучатель депрессии надо на вражеские военные базы сбрасывать. С парашютом. Пока приземлится, все враги уже будут лежать, плакать и звать маму.

– Во-первых, Ольга брешет как дышит и даже чаще. Так что я бы не слишком доверял сказанному. Во-вторых, даже если ты была спящий агент Комспаса, рептилоидов или лысого чёрта – то ты уже проснулась, а значит и вреда от тебя теперь никакого. Раскрытый шпион – это уже почти сотрудник. Сама подумай, ну что такого важного ты можешь передать в Комспас? Меню школьной столовой? Я думаю, все эти внедрения рассчитаны на то, что ты вырастешь, займёшь высокое место в Коммуне – и тут-то тебя активируют. Игра вдолгую. А ты соскочила. Радоваться нужно, а не хандрить!

– Ну да, наверное.

Врать юным девочкам предосудительно, да. Но жить в одном помещении с психотронным оружием тоже как-то не очень. Пусть успокоится для начала.

– Ольга предлагала накачать тебя снотворным и держать овощем, пока не пройдёт. Но это на твой выбор. Я могу потерпеть.

– Не надо, пожалуйста. Я не хочу. Я очень стараюсь себя контролировать, и у меня уже начинает получаться. Кажется...

Я бы не сказал. Но, с другой стороны, если её каждый раз глушить таблетками, то она точно никогда не научится. Испытывать не свои эмоции – так себе удовольствие, но я толстокожий, переживу. Тем более, Эли здорово помогает. Когда Настя в очередной раз начинает убиваться: «Как же так, жизнь кончена, я никчёмная, никому не нужна, никто меня не любит, я всех предала и подставила», – Эли прибегает и прижимается ко мне. Меня сразу попускает. Наверное, её тоже. Она загадочное существо, кажется, вообще неспособное существовать без хозяина. Такой её сделали неведомые живодёры – неавтономной. Сейчас её хозяин – я, за неимением лучшего, вот она и отрабатывает, как может. Интересно, можно её по хозяйству приспособить? Посуду мыть, например? Или она чисто декоративная, как канарейка? Ох, лучше бы Артём вернулся, ей-богу. Сгрузить ему этих двух и заняться уже своими проблемами.

Поздно вечером над дорожкой замерцал портал – пришла Криспи. Портал, на который я смотрел с надеждой, сразу за ней погас. Глупо было бы думать, да. У меня никогда ничего не бывает просто, всегда через одну жопу к следующей. Таковы мои причудливые отношения с Мирозданием.

– Привет, Сер, – сказала гостья, – рада тебя видеть.

– Привет Кри, я тоже. Отлично выглядишь.

Не соврал, она похорошела с тех пор, как перестала таскаться у меня в приёмышках. Нашла себя, наверное. Определилась со своим местом в жизни, обрела уверенность – и расцвела. Впрочем, по свидетельству жены, косметическая медицина у альтери такая же волшебная, как клиническая. Но хочется верить в лучшее и в естественность красоты.

– Спасибо Сер, мне важно слышать это от тебя.

– Обращайся.

– Мы можем где-то сесть и поговорить? У меня важные новости.

– Пойдём в башню. Есть хочешь? Могу пожарить сосиски в камине, как раньше.

– Я не голодна, но чаю попью с удовольствием. И камин растопи, если тебе не сложно.

Мне всегда нравилось смотреть, как он горит.

О, мы сегодня на волне ностальгии, надо же. Будь я проницательным душеведом, я бы предположил, что у барышни неприятности – раз уж она грустит по временам, когда обреталась тут в статусе приبلудного котика, и мы решали за неё. Но я хреново разбираюсь в женщинах.

Камин всё-таки растопил, мне несложно. Настя, истрепав за день нервы себе и мне, уснула наверху, а Эли пришла и тихонько уселась рядышком с нами. Уставилась в камин своими большими, как у героев манги, глазами.

– Кто это? Или что?

Ах да, Крис же ещё не в курсе.

– Отчего-то Мироздание считает, что у меня тут бесплатный приют для брошенных котят, щенят и хомячков. Пристроили вот на передержку. До наших разговоров ей дела нет, так что не стесняйся.

– Красивая какая...

– Для тех, кто не наигрался в куклы, наверное. Но хлопот с ней, впрочем, немного, грех жаловаться.

– Ты добрый.

Да, конечно. «Добрый» – это последнее, что я бы сказал про себя. Просто у некоторых планка занижена. Не бью – вот уже и добрый. Но спорить не стал. Добрый – так добрый. Главное, не проверять границы моей доброты. Возможны сюрпризы.

Крис сначала косилась подозрительно на Эли, но та просто пялилась в огонь и была сама индифферентность, так что вскоре привыкла к её молчаливому присутствию и перешла к делу.

– Альтерион не настроен отдавать тебе семью. Органы опеки мехути мзее считают, что вы злоупотребили доверием и создали социальную задолженность. Формально они правы.

– Крис, ты прекрасно понимаешь, что это разводка. Мы не давали никаких обязательств и не подписывали никаких бумаг, нас никто не позаботился поставить в известность о последствиях.

– По законам Альтериона это не имеет значения. Вся информация по социальным статусам открыта, вы имели возможность с ней ознакомиться.

– Не зная, как устроена ваша информационная система, ознакомиться с тем, о существовании чего даже не подозреваешь?

– Я понимаю, что это может быть не совсем честно по отношению к мигрантам-мехути, но у Альтериона здесь свой интерес. Кроме того, всех обычно устраивает, ведь их дети становятся Юными альтери. А Юным принадлежит мир.

– Ты мне скажи – их могут заставить насильно? Если жена скажет категорическое «нет»?

– Заставить – только в крайнем случае. У нас не любят открытого насилия. Но подталкивать к этому решению будут очень настойчиво. Очень.

– Что это значит?

– Для начала – режим социальной изоляции. Он уже действует. Это ограничение мобильности – они не могут использовать общественный транспорт, ограничение информационной свободы – их отключили от сети, запрет социальных взаимодействий – они не смогут пойти развлекаться или на общественный праздник.

– Не бог весть какая потеря, – пожал плечами я.

– Для твоей жены. Она мало включена в общественную жизнь. А для дочери?

Да, тут сложнее. Машка контактная и весёлая, она общается с детьми на всяких детских движухах альтери. Для детей всё бесплатно же.

– Потерпит.

– Это только первый этап. Затем им ограничат потребление, прекратят выплаты пособия. Голодом не уморят, но останутся только социальные продуктовые пайки. Могут выселить из дома в жильё ниже классом. И постоянные беседы о том, как неправильно они себя ведут. К ним ходит курирующий психолог, занятия с ним обязательны.

– Хреново. Что я могу сделать, чтобы их вернуть?

– Ничего. Сейчас – ничего.

– Здесь должно по смыслу быть какое-то «но». Иначе бы ты не пришла.

– Верно. У меня есть для тебя предложение.

Так я и думал. Все хотят что-то с меня поиметь. Даже Криспи. А какая хорошая девочка была, как они с Машкой играли! Кажется, у меня тоже приступ ностальгии по тем временам. Мне тогда казалось, что я очень умный и всё отлично устроил. А вот хрен там.

– Сер, Альтерион, как ты любишь говорить, «в глубокой заднице».

– Я люблю говорить «в глубокой жопе». Но ты продолжай, это интересно.

– Политика «Дело Молодых» казалась отличным выходом из идеологической стагнации общества. И сначала прекрасно работала. Активность социума резко выросла, мы освоили несколько срезов, расширили ресурсную базу, подтянули за их счет демографию, сбросили туда социальный балласт...

О, а вот этого я не знал. Интересно, какой такой «социальный балласт» и как именно «сбросили». Надо будет при случае уточнить. Для отчета Конторе – им такое нравится.

– ... Но сейчас она себя исчерпала. Пассионарный порыв угас, осталась только вялая инерция, а уровень принимаемых управленческих решений заметно упал.

– А вы всерьёз думали, что можно всё поручить толпе малолетних долбоёбов, и квалификационный потолок элит не рухнет на их пустые головы? – поразился я. – Тогда этот «уровень принимаемых управленческих решений» у вас упал уже очень давно. Как упал, так и валяется, заплёванный, на полу. Возможно, кто-то им даже жопу успел вытереть.

– Сер, я это понимаю. Мы с тобой много разговаривали об этом, я всё помню. И про конформизм, и про стагнационный порог, и про социальную зависимость...

...И про аномию Дюркгейма даже. Чего только ни наговоришь со скуки и от отсутствия собеседников. Я вот для Криспи ликбез проводил. Должен же в их Совете Молодых быть хоть кто-то умнее утюга? Кажется, сейчас мне это аукнется. Всякое доброе дело должно быть наказано.

– ... Но это понимаю я одна. Есть ещё несколько человек, но они мзее, их никто слушать не станет. А меня просто не хотят. Меня в Совете считают странной занудой и терпят только как пострадавшую в операции по спасению Йири. Считают, что я немного умом подвинулась, так что можно выслушать, покивать, выкинуть из головы эту муть и идти развлекаться. Мы сваливаемся в новую стагнационную яму, но никто этого не видит! Да, моя инициатива по реадaptации Йири была глупой, непродуманной и опасной, я это сейчас понимаю. Но она была! За последние пять лет в Совете ни одного нового проекта, кроме развлекательных. Сфера общественных развлечений растёт, но и только. В общем, Сер, это надо менять. Альтерион нуждается в срочных реформах! Юные лишь развлекаются, Молодые Духом увязли в интригах и делёжке Вещества, полностью устранившись от управления.

– Я думал, Вещество – это Страшная Тайна.

– Не такая уж страшная. У нас вообще с тайнами не очень. Тем более, сейчас, когда у Коммуны какие-то проблемы с поставками, возник дефицит. Как ты говорил, что в мешке не утаишь?

– Буратино.

– А что это?

– Нечто вроде ваших Юных. Шустрое, наглое, с тупой деревянной башкой, вечно норовит что-нибудь на халяву отжать.

– Я хочу спасти Альтерион, Сер.

Ну вот, так я и думал. Жанна, твою мать, Д'Арк. Наглядный пример того, до чего политика доводит хороших девочек. Но Криспи про неё не слышала, разумеется.

– Крис, давай по-честному. Неловко о таком спрашивать девушку, но... Сколько тебе лет?

– Двадцать семь. Пять потерянных мне не списали, увы.

– То есть, через три года тебе стукнет тридцатник и, опаньки, ты – мзее. Вечно молодые засранцы тебя, с учётом дефицита Вещества, скорее всего, не позовут. Так?

– Да, это так, Сер. Но дело не в этом...

Я пристально и скептически посмотрел в карие глаза.

– Ладно, не только в этом, – призналась девушка, – мне действительно очень обидно будет всё бросить и уйти из Совета. Я не вижу себя мзее, моё место – там! Но я вижу, что Дело Молодых пора отменять. Надо увеличивать возраст ответственности, расширять права мзее, менять взгляды общества на развитие науки. Надо честно рассказать всем, что мы стагнируем, а Альтерион в опасности!

Святые методологи! Что я слышу? Perestroyka и Glasnost, клянусь лысиной Горбачёва! Чёрт бы побрал мой болтливый язык.

– Крис, девочка моя, – сказал я по возможности мягко, – мы с тобой много-много разговаривали об устройстве общества, так? Я рассказывал тебе, что такое устойчивые стратификации, что такое общественный договор, что такое институционализация и элитный консенсус?

– Да Сер, я очень тебе благодарна...

– Так какого ж в анус драного Хранителя ты ни хрена не поняла?

Сидит, глазами лупает. Аж слёзки от обидки выступили. Эли заёрзала, словила эмоцию, закрутила головёнкой вопросительно – кто, мол, девочку обижает?

– Но, Сер...

– Крис, то, что ты сейчас предложила, – это социальный суицид. Ты хочешь выбить из-под общества все базовые константы, разрушить все общественные договорённости и вывалить кишками наружу все общепринятые умолчания. Потрясая над головой обосранным бельём элит. Знаешь, что будет?

– Что?

– Говно с него разлетится куда дальше, чем ты можешь себе представить.

– Но ведь это плохие константы, дурные договорённости и отвратительные умолчания. Так быть не должно!

Эли не выдержала, прижалась к ней, обняла ручонками и зафонила примирительно-ласково, успокаивая. Не выносит эта мелочь конфликтов.

– Крис, ты права. Но это так не работает. Ты, сама того не понимая, планируешь революцию. А революция мало того, что пожирает своих детей, она ещё и высирает их огромной вонючей кучей на обломки рухнувшего общества. И потом несколько поколений потомков разгребают это дерьмо, проклиная тех, в чью голову пришла такая замечательная идея.

– Но так, как сейчас, тоже нельзя! Что же делать?

– Медленно, шаг за шагом, менять общественный уклад. Завоёвывать умы, внедрять новые социальные парадигмы. Готовить общество к переменам. Нельзя развернуть такую машину, как государство, резко на полном ходу. Оно просто пизданётся в кювет на повороте.

– Я не знаю, как это делать. У меня мало времени. Всё плохо и становится с каждым днём хуже.

Эли нежно обнимала её и как-то помурлыкивала, что ли. Криспи сначала сопела обиженно, но постепенно начала успокаиваться.

– Сер, ты мне нужен, – сказал она наконец.

– Мне тоже много чего нужно. Например, моя семья.

– Если ты будешь со мной, тебе не придётся забирать семью. Остайся в Альтерионе – и мы вместе изменим его! Ты столько всего знаешь, мы сделаем Альтерион таким, каким он должен быть. Построим мир, в котором твоей семье будет хорошо! Вместе мы сможем всё! Ты, такой умный и смелый, сидишь сычом в этой башне, а мог бы стать первым в Альтерионе! У тебя будет всё. И я тоже буду...

Она придвинулась, положила руки на плечи, заглянула в глаза, потянулась ко мне губами...

Между нами оказалась обхватившая нас ручонками Эли, и то, что случилось дальше, я малодушно отношу на её счёт. Она стала эмоциональным проводником, мостиком, усилителем с положительной обратной связью, мы чувствовали друг друга как себя и были чем-то единым в нарастающем по спирали влечении. Сдается мне, именно эта функция была в ней основной, ради неё это мелкое существо выводили её создатели. Устоять было невозможно, и я грехопал. Это был ураган, торнадо, отвал башки и высочайший в своей точности резонанс двух партнёров, в котором идеальным и очень активным медиатором была Эли. Это, наверное, вершина того, что может получить человек от секса. Никогда в моей жизни даже близко ничего такого не было. Я люблю свою жену, но мне не было даже стыдно. Точнее, мне было немного стыдно

от того, что мне не стыдно, и прочие вторичные проекции. Но и только. Будем считать это за очень яркий эротический трип, потому что наяву такого не бывает.

Когда мы, наконец, оторвались друг от друга, световоды башни уже розовели восходом.

– Кри, мы...

– Ничего не говори, Се. Просто ничего не говори. Это – моё. Как бы дальше всё ни повернулось, у меня было это. Кто быстрее в море?

И мы рванули, как были, голышом, к пляжу, и Криспи успела первой, потому что девочкам бегать голыми ничего не мешает. А вот Эли с нами не побежала, поэтому в море мы просто купались в холодной утренней воде, смывали с себя ночной пот и любовались восходом. Восходы тут великолепные, как нигде.

Мы ещё успели выпить кофе, прежде чем открылся портал и Криспи ушла.

Я сидел, думал и гладил по голове мурлыкающую у меня на коленях Эли, когда со второго этажа спустилась Настя. Эли казалась абсолютно и полностью довольной жизнью, кажется, она получила этой ночью немалый кусок нашей телесной радости. А вот Настя выглядела изрядно смущённой. Быстро поздоровалась и ускользнула вниз, в душ. Я вздохнул и принялся готовить завтрак. Ну да, возможно, ночью мы были шумны и тем непедагогичны. Но я всё равно ни о чём не жалею, хотя немного сожалею об этом. О том, что не жалею. Чёрт, неважно. Права Крис – у нас это было, и оно останется с нами. Не надо ковырять, поцарапается. Заверну в мягкую тряпочку и уберу в дальний-дальний угол памяти. Когда стану старым, и маразм не даст запомнить, что я ел на завтрак, буду доставать из закромов вот такие воспоминания, тихо над ними вздыхать и пукать в казённой богадельне. Или где я там буду доживать в обнимку с Альцгеймером и Паркинсоном.

За завтраком Настя задумчиво сопела и стеснялась, а потом решилась-таки:

– Сергей, можно спросить?

– Запросто. За спрос не бьют в нос.

– Мне сегодня снились... такие странные сны! Очень... необычные.

Она густо покраснела. Вот оно что, сны, значит. Дверь-то я закрыл, но две эмпатки, видимо, были на одной волне. Им стены не помеха.

– Вы не знаете, теперь так всегда будет? Ну... когда месячные?

– Я не специалист, но, думаю, вряд ли. Гормональный шторм и всё такое. Пройдет.

– Понятно... – кажется, она была даже немного разочарована.

Ничего, рано ей всякие глупости во сне видеть. У неё вся жизнь впереди, насмотрится ещё.

– Мне кажется, я понемногу учусь справляться.

Действительно, я со всеми этими переживаниями внимания не обратил, а и правда – не давит на мозги.

– Умница, девочка. Так держать. Мы воспитаем из тебя джедай-гёрл.

– Кого?

– Не обращай внимания, дядя глупо шутит. Хотя... кино смотреть любишь?

– Люблю, но у нас мало фильмов в Коммуне. И они не очень интересные.

Кажется, у меня на внешнем диске есть старые Звездные Войны. Настоящие, с Гаррисоном Фордом и картонными звездолётами. Пусть смотрит, может клин клином выйдет. Тоже ведь вполне машинка для промывки мозгов, Голливуд. Ну, тот, старый, до эпохи толерантности.

Выдал ей запасной ноутбук, включил, показал куда тыкать и где папка с фильмами. Всё, ребёнок нейтрализован. А то «снотворное», ишь...

УАЗика резко не хватало, но не покупать же ещё одну «Ниву»? Этак никаких денег не напасёшься. До Чёрной Цитадели дошёл пешком, притащив с собой инструменты и компактный пускач с литиевой батареей. Там уже больше года вросла в почву брошенная «девяносто девятая». На ней как-то приехали нехорошие люди и так меня напугали, что лежат теперь на холме под крестиком. Пугливый я, чего уж там. Когда всё-таки завёл это ведро – сам удивился. Вот что значит карбюратор. И опыт, конечно. В салоне пахло плесенью, колёса сдулись, кузов покрылся слоем пыли на три пальца. Мотор дымит, как паровоз, – кольца залегли. Ничего, на ходу просрётся. Мне на ней не Париж – Дакар ехать. Зато бросить не жалко.

Подкачал шины, доехал до башни. Ну не пешком же мне по срезам скакать? А старое «зубило», если его не жалеть и рулить решительно, по проходимости многих уделает. Не УАЗик и даже не «Нива», но всяко лучше моего микроавтобуса.

– Как тебе кино? – спросил задумчивую Настю.

– Интересно. Но я не понимаю... Эти джедаи – они хорошие или плохие?

Ну и вопросы у детей.

– Когда смотришь, то кино про них и вроде за них болеешь. Скайвокер симпатичный, учитель его зелёный этот... Принцесса красивая. Но они же только всё ломают, рушат и взрывают, воруют и убивают! Совершенно непонятно, почему они должны победить, и что собираются делать дальше. Это как-то... неконструктивно!

Вот, ребёнок совсем – а соображает. Может, она Криспи объяснит, что бывает, когда повстанцы перестают быть повстанцами и становятся новой элитой?

– Не стоит воспринимать это слишком всерьёз, юная леди. Ты, кстати, готовить умеешь?

– Конечно! – удивилась так, как будто я спросил, умеет ли она в туалет ходить. – Мне было неловко предлагать, вы сам всё время готовите... Хотите, я буду? У меня хорошо получается, правда. На практике в столовой я лучше всех справлялась.

– Я обдумываю эту идею, она не лишена определённой привлекательности. Однако сейчас речь о другом. Мне надо уехать. Надеюсь – ненадолго. Но возможны варианты, вплоть до самых... разных. Остаёшься тут за старшую. Продукты – в кладовке и холодильнике, их довольно много, вам с Эли хватит недели на две-три точно. Если я не возвращаюсь через сутки – значит, я застрял надолго. В этом случае запираетесь в башне и сидите тут мышами. Ждёте Ольгу, она непременно явится. Лучше, конечно, если вернётся твой еле-еле папаша, но я в него, если честно, не очень верю, а эта рыжая от нас не отстанет.

– Я её боюсь!

– Я тоже от неё не в восторге, но все остальные варианты для вас будут хуже. Лучше она, чем альтери. Ничего она вам не сделает, отведёт в Коммуну. Будешь там под надзором, конечно, но живая-здоровая. В остальных случаях – не факт.

– Мне это совсем не нравится... – блин, опять зафонила.

– Увы, Мультиверсум существует не для нашего удовольствия.

– А вдруг с вами что-то случится?

– Тебе-то что за печаль? Случится и случится. Мы два дня знакомы, было бы о чём переживать. Может, вернётся твой блудный папахен, рыцарь дурацкого образа, и вы воссоединитесь счастливой семьёй.

Надулась. Не угодишь ей.

– Если приходит кто-то кроме Ольги и Артёма, поступаешь следующим образом. Иди сюда.

Я достал из кармана плоскую широкую пластину с фигурным краем – ключ Ушедших. Вставил в неприметную щель у входа в каминный зал – сам её недавно нашёл, буквально случайно. Нажал, один из больших камней стены выступил наружу и оказался тонкой каменной плашкой, под которой скрывалась ниша с тремя рычагами. Изящный в своей незамудрённой простоте юзер-френдли интерфейс.

– Попробуй, сумеешь поднять?

Девочка взялась за первый рычаг, потянула... Потом присела, уперлась в него руками и, разгибая ноги, выдавила металлическую рукоятку вверх. В стенах гулко заклацало, окна погасли, слившись со стеной. Теперь свет в зале был только от световодов.

– Давай остальные.

Громко лязгнуло в тамбуре прихожей – это, оставив деревянные ворота снаружи, выехала из стены массивная каменная плита, перекрывающая вход. Ломаешь ворота – сюрприз. За ними стена. Третий рычаг опускает заслонки на высокие окна боковых крыльев пристройки.

– Всё, мы в домике. Теперь в башню снаружи не попасть. Никак. Стены тут такие, что атомная бомба не возьмёт. Понятно?

– Понятно. А как же...

– Не спеши. По порядку. Опускай рычаги.

Насте пришлось виснуть на них всем своим птичьим весом, но справилась. Бумц-бумц-бумц-бумц. Мы открыты миру и всем его неприятностям.

– Умничка. Теперь смотри. Знакома с этакой штукой?

– Пистолет Макарова, индекс ГРАУ – 56-А-125, советский самовзводный пистолет, принят на вооружение в 1951 году, патрон девять на восемнадцать, калибр девять и двадцать семь сотых, боевая скорострельность – тридцать выстрелов в минуту, прицельная дальность огня – пятьдесят метров. Боепитание – открытый магазин на восемь патронов...

– Воу-воу, палехче! Артём говорил, ты умеешь стрелять.

– Серебряный значок по боевой подготовке.

– А чего не золотой? – поддел я её.

– За рукопашку минус, – вздохнула девочка, – веса не хватает.

– Ничего, откормим. Кладу его сюда, видишь?

Я засунул пистолет в нишу к рычагам, положил рядом запасной магазин. Больше всё равно патронов нет, это тоже трофейный. С одного желающего меня поугагать. Впрочем, заваляла его Маринка, которая тогда числилась просто Третьей. Давняя история.

Вытащил пластину ключа, ниша закрылась.

– Это на тот самый-самый крайний случай, если ты проморгала, и посторонние уже в башне. Делаешь умильную рожицу, говоришь «Ой, дяденьки, а чего я вам щас покажу!», открываешь нишу – и вот он, твой шанс. Затем закрываешься и сидишь дальше.

Сможет? Нет? Лучше бы не проверять.

– А трупы куда?

Ничего себе, какой деловой тон! Эта сможет, пожалуй.

– Тащишь вниз. Там в санузле унитаз стоит на деревянном щите над очень глубокой шахтой, где внизу вода течёт. Сдвинуть это всё непросто, придётся постараться, но я уже в тебя верю. Ты справишься.

– На самом деле мне сейчас очень страшно, – призналась она.

Но я и сам это чувствую.

– Жизнь – опасная штука. Ещё никто не выжил. Теперь идём наверх.

Поднялись на второй этаж, в спальню. Там стены изнутри прозрачные и даже в режиме блокировки не закрываются. Наверное, и так достаточно прочные. Напильником поцарапать я не смог.

– Смотри туда, – я развернул её лицом к сарайчику, где у меня проход в гараж, – сейчас на крыше пусто. Если я возвращаюсь, а ты сидишь в блокаде, я оцениваю обстановку. Сигналом на открытие дверей для тебя будет красный треугольник на крыше днём и световой сигнал – фонарик, лампа, костерок, – ночью. Без этого, даже если ты видишь меня, и я делаю умоляющие жесты всем, чем могу, – не открываешь ни за что. Понятно?

– А если вас будут пытаться?

– Будешь злорадствовать. Но – за закрытыми дверями, поняла?
– Зачем вы так? Почему вы обо мне так плохо думаете? Я не буду злорадствовать! Я за вас боюсь!

– Ладно, договорились. Можешь плакать и жалеть. Но – изнутри!

Надулась опять.

– Если появляются Ольга или Артём, то действуй по обстановке.

– Это как?

– Понятия не имею. Мир полон удивительных сюрпризов, если ты до сих пор не заметила. Всё, инструктаж окончен. Вот тебе волшебный ключик, держи его при себе, береги как девичью честь. За эту штуку пару человек уже убили, имей в виду.

– Я постараюсь.

Чёрт. Я бы, конечно, предпочёл иметь в тылу кого-то более взрослого. Но к взрослым опасно спиной поворачиваться. Дилемма.

«Девяносто девятая» рычала, пердела, воняла, дымила, хрюкала коробкой и стрекотала ШРУСами, скребла днищем по кочкам... Но ехала. Хотя иногда у меня возникало ощущение, что это я её толкаю силой воли. Руки аж судорогой свело на руле. Где ты, где ты, мой УАЗик? В какие дальние миры загнал тебя этот романтический долбоёб?

В принципе, тут можно было бы и пешком дойти. В прошлый раз ходил. Не так уж далеко от прохода в здешних гаражных руинах находится бывший офис Андрея, полчаса, много – час ходу. Но, если мне удастся вытащить семью, то не исключено, что придётся очень быстро драпать. И это лучше делать на колёсах. С тех пор как Альтерион аннексировал – или, если угодно, спас – срез Йири, альтери тут как у себя дома пасутся. Вполне могут попробовать перехватить уже здесь. Ничего, запихаемся в это «зубило» как-нибудь.

Город, название которого я так и не удосужился запомнить, пребывал в запустении. Большая часть Йири отселена на реабилитацию – не в сам Альтерион, а в какой-то из его протекторатов. Там их выгуливают на солнышке и кормят с ложечки. Учат ходить ногами, смотреть глазами, говорить ртом и какать попой. Приучают есть еду и пить компот. В своё время я немного поучаствовал в организации этого процесса, поддерживая Криспи и подсказывая решения чуть более сложные и неочевидные, чем приходят обычно в пустые головы Юных. Впрочем, Андрей был прав – вряд ли я войду в историю Йири как Спаситель. Никак я туда не войду. Оно и к лучшему.

Часть наиболее повреждённых мозгом подключенцев – в том числе, так называемый «Оркестратор», – пришлось оставить как есть. Практика показала, что они неадаптабельны более чем полностью. Слишком привыкли быть вычислительной машиной, держащей в своём сознании мир во всей его полноте и сложности. Ограничение информационного потока до того скромного ручейка, который протекает через человеческие органы чувств, вызывает у них жесточайшую, непереносимую абстиненцию. Задорные в своей простоте Юные успели часть из них угробить, но потом я вмешался. Через Криспи, разумеется, – кто бы там стал дуракам-мзее слушать? Помогло – их оставили в покое. После вывода из системы большей части Йири, ресурсов там стало с избытком, и таинственный «оркестратор» занялся чем-то своим. Может быть, делил корень из минус единицы на ноль, может быть, воображал себя богом воображаемого мира, а может, сочинял анекдоты про андроидов и электроовец. Электричества хватало, синтетической жратвы тоже, так что дела до него, по сути, никому не было. Учитывая замедленный метаболизм подключённых, они так могут лет пятьсот, наверное, пролежать, пока не помрут. Но и вреда от них, в общем, тоже никакого.

Проехал город насквозь, рыча оторвавшимся в развалинах гаражей глушителем. Слышно меня километров на двадцать, наверное, но вряд ли тут кто-то есть, кроме подключённых. А они в матрице, им пофиг. Отжал язычок замка, зашёл внутрь – пыльно, тихо, мрачно, темно. Обесточено помещение. Не платил, поди, Андрей по счетам. Спустился с фонариком вниз.

Отметил, что пассатижи, которые мне в прошлый раз так понравились, кто-то уже спёр. Ну и ладно, не судьба, значит. Обойдусь. Рольставни на задней стене подняты, проход чувствуется. Проверил пистолет в кармане – и открыл.

Пустой гаражный бокс. Большой, с белыми чистыми стенами. Душновато, темно. Пыльный верстак. Пыльный пол. На стенах – плакаты и постеры, а также детские рисунки. Это у альтери модно – детские каляки-маляки и палка-палка-огуречики вешать в рамках, как искусство. Какое-то завихрение из области культуртрегерства Юных. Впрочем, наши модные рисователи жопой ничуть не лучше. Дети хотя бы стараются.

Я нашёл дверь в соседний бокс и уже совсем было собрался её открыть, когда увидел приклеенный к ней рисунок. На нём был изображен рыжий котик с очень пушистым, как у белки, хвостом. Техника исполнения, мягко говоря, хромала – овальное туловище, круглая голова, треугольные уши, лапки-палочки, хвост массивной рыжей запятой. Художник заслужил бы максимум три балла за усидчивость, если бы ему... ей не было семь лет. Это Машкин рисунок, я его дома видел. Аккуратно отделил приклеенный по краю альбомный лист от двери. На обратной стороне карандашом, печатными буквами, было написано: «Они знают». Крис писала, больше некому. Она печатными буквами пишет, её Машка учила. Альтери давно уже не пишут руками, и почти никто не пишет и не читает по-русски – «на языке Коммуны». Хотя говорят многие.

Ну что же, ничего удивительного. Кто-то вспомнил про Андрея и его проход. Думаю, если бы я вошёл, меня ждал бы какой-нибудь сюрприз. То есть, он и сейчас меня ждёт – и пусть ждёт дальше. Хорошая девочка Криспи, спасибо ей. Свернул рисунок в трубочку, сунул в карман и ушёл через проход обратно. Буду думать дальше.

Когда рычащий высерок родного автопрома, громыхая оторвавшейся защитой и стуча сухими амортизаторами, преодолел последние кусты между мной и башней, мне открылось дивное в своём идиотизме зрелище.

ГЛАВА 3. МИР БЕЗ ДУРАКОВ, КАК ЦИРК БЕЗ КЛОУНОВ

Сначала мне показалось, что к нам приехал цирк. Пёстрые шатры, яркие цвета, суета. Музыка такая, что перекрывает рык глушителя. Подъехав ближе увидел, что это не шатры, а тенты на машинах. Правда, сами машины – тот ещё балаган. Рама «шишиги» без кабины и кузова. На месте водителя – подрессоренное сидение от автобуса, огороженное каким-то плетнём. Движок закрыт фанерным ящиком, остальное пространство превращено в крытую тканью на шестах кибитку с деревянными бортами. Трактор «Беларусь», расписанный красным и золотым. Вместо кабины – навес из бархатной бордовой гардины с кистями. За ним – три телеги на дутых колёсах, сцепленных в поезд и заваленных тюками. Магистральный тягач «Фрейтлайнер», классический, капотный, с будкой. Водружён на большие зубастые колёса, для чего пришлось выкинуть большую часть обвеса, включая передние крылья. Вместо прицепа на седло взгромоздили передней частью междугородный автобус «Вольво», покрашенный в вырвиглазно-розовый с ромашками, как трусы у волка из «Ну, погоди!». Судя по виду бортов, автобус с этого тягача пару раз падал, после чего ссадины подкрашивали произвольным цветом, а выбитые окна затягивали грязными простынями в горошек. Раритетный австрийский вездеход «Пинцгауэр», осквернённый попугайской раскраской и плюшевым алым тентом. И это только то, что я смог сходу опознать – несколько машин имели вид ублюдка постыдных межвидовых связей нескольких несовместимых транспортных средств. Тракторные колёса, самопальные рамы, грузовые дизеля, кузова от пафосных легковушек... Недостающие элементы без стеснения заменялись досками, фанерой или просто натянутыми кое-как тряпками. Всё это собрано на клей, сопли, говно, изоленту и проволоку и покрашено в гамме «Лопните мои глазыньки».

В общем, башню взяли в осаду какие-то подозрительные фрики. Их было много, но понять сколько я не мог – они были так пёстро одеты и так хаотически двигались, что у меня в глазах зарябило. С увешанного грязными и битыми концертными колонками кунга военного (в прошлом) «Камаза» ум-ца-ца-кала на непереносимой громкости музыка, напомнившая фильмы Кустурицы. Колонки хрипели на басах и хрюкали от амплитудного перегруза, но это никого не смущало. Наверное, это бродячий клуб глухих дальтоники. Или цыгане.

Последняя версия блестяще подтвердилась, когда я заглушил мотор и вылез из машины. Её немедля окружили какие-то бабы в ярких тряпках и дети, одетые по большей части в дорожную грязь и браслетки. Я уселся на горячий капот и сделал лицо знаком «кирпич». Подожду антракта.

Башня, как я отлично отсюда видел, закрыта по протоколу «обломитесь, суки», так что за своих я был более-менее спокоен. Не думаю, что Настя не заметила приближения этого скакового ансамбля песни и пляски заранее. Сидит теперь небось наверху – смотрит, как я тут лицом торгую.

В машине какой-то деловитый цыганёнок уже отковырял пластиковые выцветшие иконки с панели и теперь заинтересованно шуровал в бардачке. Ещё две мелких костлявых задницы в грязных трусах торчали из багажника, а загорелый до черноты, но белобрый шкет увлечённо дёргал запертую заднюю дверь. Мне было плевать – ничего ценного там нет. Вокруг меня столпилось с десятков тёток. Они, размахивая руками, что-то орали одновременно, пытаясь перекричать музыку и друг друга. Я сидел, молчал, ждал. Жаль, что не курю, это добавило бы образу брутальности, но и так ничего, сойдёт. Чья-то шаловливая ручонка сунулась под куртку, наткнулась на рукоять «Глока» и была зафиксирована. Черноглазое существо без

выраженных половых признаков лет десяти от роду подёргалось, пытаюсь вырвать руку. Но я держал крепко, а возмущённые вопли всё равно потерялись на общем шумовом фоне. Во вторую руку ребёнка вцепились сразу три бабы и рванули так мощно, что пришлось отпустить. Иначе порвали бы дитя пополам. Не ожидавшие этого цыганки повалились на землю, добавив суеты и шума, хотя казалось бы, куда ещё.

Минут через пять музыка внезапно стихла, прощально пёрнув басами. Цыганки как по команде перестали орать и размахивать руками, развернулись, потеряв ко мне интерес, и разошлись. Дети испарились из машины, прихватив с собой потёртую оплётку руля, драные чехлы и старый приёмник. Вот, теперь начнётся интересное.

От машин ко мне шествовал Цыган с большой буквы «ЦЫ». К цыпленку на цыпочках цыкать. Здоровый, с двух меня, толстый как колобок дядько в золотой блестящей рубашке навывпуск, шёлковых костюмных брюках, в чёрных и глянцевых, как жопа потного негра, туфлях с длинными слегка загнутыми вверх носами. На его физиономии доминировали круглые щёки, обильные подбородки, крысиные усики, свинные глазки и брезгливое выражение измученного запором Императора Вселенной. Не очень симпатичный персонаж, в общем. Он величественно дотопал, потрясая пузом, до меня и что-то такое буркнул через губу на ихнем. Я разобрал только «гаджо» – «нецыган». Поэтому не отреагировал ровно никак. Всё это просто спектакль. Они меня, как говорится, «пробивают» – смотрят, насколько я подвержен давлению на психику. Наорать, нашуметь, сбить с толку суетой, заставить беспокоиться об имуществе и пытаться понять, что от тебя хотят – перегрузить входные каналы. Человек теряется от кучи противоречивых сигналов, впадает в дезориентацию и соглашается на всё, лишь бы это прекратилось – вот вам и весь «цыганский гипноз». И этот расфуфыренный откормленный попугай – из той же оперетты. Изображает, что он тут главный.

– Эй, с тобой говорю, гаджо!

Ну вот, он уже и русский вспомнил.

– Ты глухой? Ты знаешь, кто я?

– Толстожопый дырлыно ты. Закурдал. Иди, баро зови, кар тути андэ кэрло.

Этим я исчерпал доступный мне лексикон, но ему хватило. Казалось, он сейчас лопнет от злости и всё вокруг забрызгает газированным говном, но обошлось. Выругался по-своему, но с опаской, в сторону, как будто не мне, и заколыхал боками вдаль. Теперь, может быть, кто-то настоящий придёт.

– Здравствуй, хороший человек.

Как ни странно, баро этого бродячего лупанария выглядит на общем фоне почти прилично. Костюм, шляпа, туфли. Вышитая красными маками жилетка под чёрным строгим пиджаком смотрелась даже стильно. Гробовщик с претензией. Правда, алая шёлковая рубашка, золотые зубы, массивные перстни и цепь «жёлтого металла», на которой можно коня повесить, несколько выбиваются из образа. Но это признаки ранга, как погоны. Noblesse oblige. Во внешности его никакой цыганской крови не просматривалось – высокий, худой, с породистым умным лицом. Короткая причёска с проседью, седые усы. Я бы его, скорее, за немца принял. Но говорит по-русски чисто, без акцента.

– И тебе не хворать, не знаю какой человек.

– Все люди должны быть хорошими, – покачал шляпой баро.

– Люди ничего друг другу не должны, так что давай к делу.

Неловко на «ты» пожилому человеку, но он первый начал. Ставить себя ниже – плохая переговорная позиция.

– Мы видели сигнал маяка. Мы долго искали его, потратили много времени и энергии в дороге. Нашли – но кто-то закрылся там и не хочет говорить. Не знаешь, почему?

– Знаю.

Он смотрит на меня, ждёт продолжения, я молчу. На вопрос я ответил. Пусть задаёт следующий. Ему надо, мне не надо. Даю понять, что не рад их фрик-параду.

– Послушай, хороший человек, мы – рома дрома, люди дороги. Нам нужны зоры, иначе мы не сможем кочевать. Это вопрос жизни для рома дрома.

– Кто нужен?

– Зоры.

Он достал из кармана пиджака разряженный до молочной белизны акк и показал мне. Я кивнул, показывая, что понял, о чём речь.

– Наша глойти ведёт табор Дорогой, но, чтобы выйти на неё, нужны зоры.

– На всей этой колёсной трихомудии стоят резонаторы? – удивился я.

– Нет, мы не такой богатый табор, что ты! Только на одной машине. Но наша глойти может уводить за ними остальные.

Помолчали. Цыган ждал от меня какой-то реакции, я его игнорил.

– Я Марко, хороший человек, – вздохнул он наконец, – баро этого табора.

– Сергей. Живу тут. И я не очень хороший.

Он развёл руками, признавая моё право не соответствовать его ожиданиям.

– Это маяк, хороший человек Сергей. Он нам нужен.

– Это мой дом, Марко. И хер я его кому отдам.

Я покосился влево, где на холме над морем стоят в рядок кресты. Цыган поймал мой взгляд, проводил его своим, вздохнул.

– Ты не понимаешь, Сергей. Маяк – это жизнь для всех нас. Остался всего один маяк, в Чёрном Городе, но он совсем старый, заряжает один зор три дня, а его сигнал еле виден с Дороги. Скоро его кристаллы рассыплутся голубой пылью, и у Людей Дороги не будет маяка.

– Какая трагедия, – сказал я равнодушно.

– Мы не сможем ходить по Дороге, хороший человек Сергей! Это конец жизни для нас и многих, многих других Людей Дороги! Разве это честно? Разве это справедливо? Для тебя это дом, но ты можешь найти другой дом! Для многих-многих людей это жизнь! Где они найдут другую жизнь?

Знакомый заход. Вопрос жизни и смерти, но почему-то непременно за мой счет.

– Честность и справедливость, насколько мне известно, не входят в базовую комплектацию Мультиверсума.

– В базовую – нет, – неожиданно хитро улыбнулся Марко, – а в платные опции?

Вот это уже предметный разговор. С этого и надо было начинать, а не руки заламывать и на жалость давить.

– Маяк не отдам, – сразу обозначил границы я, – губы закатайте. Но акки могу зарядить. В обмен на.

– Что тебе нужно, хороший человек Сергей?

– Мне нужно попасть в Альтерион и забрать оттуда несколько человек.

– Этого мы не можем, – расстроился Марко. – В Альтерион нам нельзя. Мы там вне закона. Они отнимут наших детей, запрут нас в клетки, а с нашими глойти сделают страшное. Мы там – «социальный балласт».

Надо было уточнить у Криспи про этот самый «балласт». Каждый раз, когда мне кажется, что в познании общества альтери я донырнул до дна, снизу раздаётся очередной стук.

– Жаль. Не договорились, значит. Не смею вас задерживать. Пора освободить моё парковочное место. Уверен, Дорога ждёт вас. Все жданки съела. Прощайте, Марко.

– Послушай, хороший человек Сергей, нам нужны зоры! Мы не можем уйти без них! Как мы выйдем на Дорогу?

Врёт как сивый мерин. Ни за что не поверю, что у них энергии было в один конец, и теперь они тут застряли. Слишком хитрожопые они для этого.

– Ваши проблемы, Марко. Мне тут ваш гуляй-город не нужен. Он мне вид на море загроживает. И я готов, если надо, действовать решительно.

Не знаю, правда, как. Вот вообще ни одной идеи, как выгнать эту толпу распиздяев. Их много, а я один. Но пусть думают, что у меня в башне засадный полк.

– Ладно, мы готовы оплатить зарядку по обычному курсу. С пяти акков один твой.

– Марко, – сделал я огорчённое лицо, – мне грустно думать, что ты держишь меня за лоха. Это меня обижает, Марко.

Наугад сказал, но, разумеется, не ошибся.

– Извини, Сергей, я не мог не попробовать, – заулыбался примирительно Марко, – разумеется, с четырёх.

– С трёх, Марко. И это только входя в ваше бедственное положение.

– Как скажешь, Сергей, ты тут хозяин! – печально вздохнул Марко. – Пусть наши дети лягут спать голодными, но мы выплатим твою цену!

Чёрт, продешевил, кажется. Иначе он бы куда сильнее распинался. Дети у них, ишь ты. Можно подумать, они их акками кормят, детей этих.

– И ещё один момент, Марко. Слушай меня очень внимательно, и не говори потом, что ты не слышал, или не понял, или понял не так. И всем своим скажи. Так скажи, чтобы они запомнили, Марко.

Седой цыган изобразил полное внимание и готовность.

– Ни один из ваших не подходит к маяку, не говоря уже о том, чтобы сунуться внутрь. Любого, кто сделает шаг за порог, я убью. Я не хороший человек, Марко. И я не шучу. Вы сейчас всем кагалом уходите за реку, это недалеко и там есть отличная поляна. Сюда приходишь только ты или кто-то с тобой. Но если вы будете шляться вокруг башни, сделке конец. Если кто-то сунется внутрь – это нападение. Ты понял меня, Марко?

– Я понял тебя, Сергей, – вздохнул он, – не надо нас так бояться, рома дрома – мирные люди.

– Может быть, – не стал спорить я, – но ваши понятия о собственности и имущественных правах не совпадают с моими.

Я покосился на выпотрошенный салон «девяносто девятой». Кажется, они спиздили даже старые окурки из пепельницы. Да, вот такой я трус. Очень боюсь, что они попробуют маяк просто отнять. Их слишком много, чтобы всех закопать на холме. Я так себе землекоп.

Табор зарычал моторами. Хреново настроенные дизеля плевались чёрным дымом и воняли недогорелой соляжкой. Машины неловко разворачивались под визгливые крики бешено жестикулирующих друг другу водителей. Я пошёл к сараю и поставил на его крышу знак аварийной остановки. Когда возвращался обратно, полуголые цыганята пытались кое-как натянуть обратно чехлы в «девяносто девятой». Магнитолу они уже зачихали назад – правда, верх ногами. Какой-то мелкий чумазый засранец укоризненно на меня посмотрел и кинул на панель облезлые иконки. Ещё и головой лохматой покачал, как бы удивляясь моей жадности. Потом они борзой стайкой брызнули к машинам и укатили, зацепившись снаружи за кузова и борта. Сразу стало гораздо тише.

Настя встретила меня у дверей, и тревогой от неё несло так, что бедная Эли только попискивала, сжавшись на диване и обхватив ручками головёнку. Увидев меня кинулась, подпрыгнула и повисла, как обезьяна на дереве, обхватив руками и ногами. Засопела, успокаиваясь и успокаивая меня.

– Кто это? Я так испугалась.

– Цыгане. Не бойся, я с ними договорился. В целом. Но двери теперь держим закрытыми и вещей снаружи без присмотра не бросаем. Народец это ненадёжный. И помни – мы в своём праве. Никто из них не должен попасть внутрь. Ни под каким предлогом. Ясно?

– Да, я поняла, не волнуйтесь. Я понятливая. Хотите есть? Я суп сварила. Гороховый, с копчёностями. Сейчас разогрею...

Она убежала вниз, а я с трудом отклеил от себя Эли. Она хоть и не тяжёлая, но уцепилась так, что ходить мешает. После сегодняшней ночи уже и не знаю, как к ней относиться. Я бы, грешным делом, не отказался попробовать, как у нас выйдет с женой и с ней. Но жена мне важнее.

Главцыган явился не один, а с... Как это правильно? Клоунесса? Клоуница? Клоунка? Не силён в феминитивах. Самка клоуна, в общем. Круглая как колобок невысокая тётка, разрисованная броским гримом по лицу. Наряд её ярок, но экономичен – серебристый лифчик, на три размера меньше, чем стоило бы, трусы из такой же ткани, узкие настолько, что не скрывают пренебрежения эпиляцией зоны бикини, поясok среди складок жира там, где у других людей случается талия. С пояса свисают до колен редкие разноцветные ленты, образуя подобие намёка на юбку, которая, впрочем, ничуть не скрывает монументальную задницу и изрядные окорока. Скифская баба, богиня плодородия. Браслеты и фенечки до локтей пухлых ручек, а волосы из подмышек не то что торчат, но даже и покрашены. Слева – в зелёный, справа – в розовый. Бодипозитивненько.

– При-и-ива... – сказала это чудо тоненьким голоском и потрянуло головой, как ужаленная оводом лошадь. Мотнулся водопад крашенных в разные цвета мелких длинных косичек с вплетёнными нитками, колечками, бубенчиками и прочим мусором, по телу пробежала от сисек к ягодицам волна колыхания жира. Завораживающее зрелище. Человек-желе.

– Это моя глотти, – пояснил Марко.

– Очень, э... приятно. Наверное.

– Она – хорошая глотти, – укоризненно сказал цыган. – Она нашла этот маяк.

Я не испытал приступа благодарности к этому крашеному колобку. Лучше бы она ничего не находила.

– Она хочет на него посмотреть, для неё это важно.

– Позязя! – тоненько проблеяла тётка.

– Пусть смотрит. Но отсюда. Внутрь не пушу.

– Она посмотрит отсюда, но ты не мог бы его... включить? Если ты не знаешь как, она подскажет!

Женщина-холодец энергично закивала, перекатываясь волнами внутри себя.

– Нет. Я не буду включать маяк. Что-то ещё?

Нашёл дурака. Включить, чтобы на его сигнал сбежались все халявщики обитаемого Мультиверсума?

– Ладно, ладно, понял тебя, Сергей. Жаль, конечно, но ты тут хозяин. Вот, принёс зоры.

Он вытащил из кармана три белых цилиндрика.

– Один твой, – вздохнул он, закатывая глаза в немом страдании от моей корыстности и несговорчивости.

Я не повёлся. Молча сгреб акки.

– Сейчас поставлю на зарядку.

– Она постоит тут, ничего? – спросил Марко. – Она так стремилась к маяку, разреши ей!

Она не будет подходить ближе.

– Если не будет – пусть стоит.

– Пасип, чмоки! – пискнула тётка и, хотя разговор был про «постоять», тут же уселась огромной мягкой жопой на дорожку, растекаясь жиром живота на целлюлит бёдер.

Ноги в резиновых шлёпках оказались волосатее моих. Экая нимфа, туды её в качель.

Подозрительно глянув в спину удаляющемуся Марко, пошёл в башню. Зуб даю, что-то они мутят. Но придраться вроде не к чему. Ладно, заряджу им акки, и пусть проваливаются. Моё «тихое место у моря» превратилось в какой-то проходной двор. Теперь ещё тащить будут всё, что гвоздями не приколочено. Знаю я эту братию, в Гаражищах у нас одно время шаршились. Ничего без присмотра оставить нельзя было. Я тогда их слов и нахватался немного. Потом, как я подозреваю, грёмлэнг потихоньку эту шайку отвадили. Как конкурентов по скупке железа.

Спустился вниз, вставил акк в гнездо на консоли, повернул рычажок. Кристаллы в основании заняли, защёлкали разряды, запахло озоном, застонала металлом штанга привода, центральная колонна начала нагреваться. Пошёл процесс. Ладно, лишний акк мне пригодится. Так-то у меня аж три – один в УИНе, он же «джедайский мультитул», один – в винтовке, один – подключён к электропитанию башни. Я его спрятал внизу за фальшпанелями на всякий случай и проводами всё развёл. Но запас карман не тянет. Ценная штука.

Через пару минут я понял, что что-то идет не так. Я уже заряжал акки здесь, и это выглядело как-то спокойнее. Сейчас башня заметно вибрировала, а стон конструкций стоял такой, как будто вот-вот рванёт. Кристаллы уже были не видны, превратившись в комок трещащих разрядов и фиолетовых микромолний. Даже подойти выключить было страшно – волосы во всех местах стояли дыбом. В протянутую к рычажку руку чувствительно стрельнуло искрой и я, ругаясь, её отдернул. Что за фигня?

– Дядя Сергей, идите сюда, скорее! – закричала сверху Настя. – Там тётя что-то странное делает.

«Тётя» сидела там же, где я её оставил, но глаза были закачены, зубы оскалены, руки вытянуты в сторону купола башни, и от них, клянусь, что-то такое туда устремлялось – почти невидимое, прозрачное, как будто лёгкое марево горячего воздуха, сплетённое в тонкий жгут. Мне показалось, что лепестки купола дрожат и вот-вот раскроются, и из-под них прорывается сияние маяка.

– Ты что творишь, сучка крашена? – заорал я и побежал, вытаскивая на ходу пистолет.

Там же основные рычаги не включены, охлаждение не подается – а ну как спалит сейчас эта дура ушельскую технику?

Тётка была в трансе и никак не реагировала. Я приставил к её башке пистолет, но, оглянувшись, увидел смотрящую на меня из дверей Настю. Глаза её были огромными и испуганными. Так что пистолет я убрал, а вместо этого отвесил по толстой жопе мощного футбольного пенделя.

Как будто резиновый мешок с водой пнул. Чёртова шаманка заколыхалась, как медуза в прибое, но главное – прекратила делать то, что она там делала. Рот закрыла, глаза выкатили обратно, руки опустила.

– Ой, бона! Дамажишь, челик! Кринжово! – заблажила тётка непонятное.

– Сейчас ещё не так бона будет!

Вдалеке к нам бежал, наплевав на солидность, цыганский барон.

– А ну, марш отсюда, заливная рыба!

Шаманка, злобно шипя и колыхаясь, поднялась и потрусилась прочь, забавно переваливаясь на толстых коротких ножках. Примерился было добавить поджопник для скорости, но вспомнил про Настю и не стал. Непедагогично.

С баро они встретились посреди луга, где она запрыгала перед ним, потрясая руками. Ябедничает. Утопала к табору, а цыган направился ко мне, но я развернулся, ушёл в башню и двери закрыл. Пусть теперь думает, отдам я ему акки или нет. После такой-то подставы.

Акк теперь заряжался штатно. Внизу гудело, потрескивало, постанывало – но сразу чувствовалось, что это нормально.

– Па... Ой, дядя Сергей! А что это она...

– Стоп. Это что за «па» сейчас было?

– Я случайно, оговорилась, я...

– Настя. Иди сюда. Сядь.

Мы сели за стол друг напротив друга. Девочка сложила руки перед собой, как примерная школьница и сделала внимательное лицо.

– Милое дитя, – сказал я серьёзно, – кончай вот эту херню прямо сейчас.

– Но...

– Дослушай. Я тебе не «па» и не «ма». Я тебе никто и звать меня никак. Ты пытаешься мной манипулировать, провоцируя на отцовские чувства – это тупо. У меня уже есть дети. У тебя уже есть один как бы папа. Давай каждый останется при своём. Вернётся твой блудный папаша, сдам тебя ему по описи «девица белобрысая, одна» – и валите себе. Если у него всё получилось, там тебе будет целых три мамы. Придётся три косички заплетать вместо двух.

– Волос не хватает!

– А кому легко? Отрастишь.

Хихикнула, чуть расслабилась.

– Я не специально. Честно.

– Может быть, – согласился я, – но это значит только, что ты не осознаёшь своих мотиваций. Ты растеряна, напугана, вырвана из привычного окружения, не знаешь, что с тобой будет дальше. Ты ищешь защиты, того, за кем можно спрятаться, кто будет заботиться о тебе. Для ребёнка это родитель. Вот ты и пытаешься назначить на вакантное место абы кого.

– Вы – не абы кто, – буркнула она, – но вы правы, я не знаю, что со мной будет. И мне страшно.

– Девочка, да никто этого не знает. Ни один человек на свете понятия не имеет, что с ним будет даже через пять минут. Просто у них обычно нет повода об этом задуматься.

– И как же мне жить?

– День за днём, как все живут. Сейчас будущее кажется тебе беспросветным, но оно просто неизвестное. Оно всегда неизвестное, на самом деле, люди себя обманывают планами и мечтами, а потом жизнь щёлкает их по носу – и вот так. И ещё – ты считаешь себя брошенной, никчёмной, никому не нужной, так? И я сейчас усугубляю это отказом занять отцовскую позицию?

– Да, – сказала она тихо, но твёрдо, – я никому не нужна. И вам не нужна тоже.

– Это неправда, – покачал головой я. – Артём, конечно, балбес, но очень ответственный и искренне к тебе привязался. Не только потому, что ты к нему в башку розовых соплей напустила.

Надулась, губы поджала, слеза блестит. Ничего, иногда полезно послушать правду.

– Он хотел любить кого-нибудь именно как отец. Ты дала ему эту любовь. Для него это важно, и он обязательно за тобой вернётся.

«Если ему не оторвут где-нибудь его дурную башку», – подумал я при этом, но вслух не сказал, конечно.

– Дальше. Я тебе не папа и не хочу им быть. У меня не такое большое сердце, чтобы полюбить всех несчастных детей Мультиверсума. Несчастье – это норма, а не исключение. Но я тебя не брошу, на мороз не выгоню и позабочусь о тебе в меру своих скромных возможностей. Накормлю, помогу, в обиду не дам. Это, ей-богу, максимум того, что один человек может ожидать от другого. Поняла?

– Да. Спасибо, па.

– Что-о?

– Шучу! Вот сейчас шучу, честно! Это была шутка!

Вот засранка.

Цыган вышагивал возле башни взад и вперёд, но установленной границы не пересекал. Я любовался им сверху. Не верю этому паскуднику. Через какое-то время пара цыганят притащила ему складной шезлонг, столик, бутылку и стакан, и он расположился с удобством, собираясь, видимо, меня пересидеть. Упорный, чёрт. Помариновал до вечера, пока его акки не зарядились, потом вышел всё-таки.

– Прости, хороший человек Сергей, так было надо.

Не вижу ни малейших признаков раскаяния.

– Надо было что?

– Подать сигнал, что мы нашли маяк. Это вопрос выживания нашего народа.

– Теперь весь ваш народ припрётся мне под дверь?

– Все, кто сможет добраться. Пойми, ты не сможешь оставить маяк себе. Он слишком для всех важен.

– Ну что же, я, как ты верно заметил, найду себе новый дом. Но башню я запру и ключ утоплю в море. Я бы её назло вам взорвал, но хер её взорвёшь. Зато и взломать невозможно. Так что поздравляю – твой народ только что лишился последних шансов. А ты – твоих зоров. Штраф за мудачество.

Сука, больше всего ненавижу, когда меня пытаются вот так нагло нагнуть. Развернулся уже уходить, чтобы не слушать возмущенные вопли, но он очень спокойно сказал:

– Забери мои зоры, но выслушай.

– Я тебя послушал уже один раз и дома лишился.

– Не меня. С тобой церковник говорить хочет.

– Какой ещё церковник?

– Церкви Искупителя. Выслушай его.

– На кой он мне хрен? – удивился я. – Я про Искупителя вашего ничего не знаю.

– И тебе не интересно?

Поймал. Интересно. На что можно подманить аналитика? – На вкусный кусочек свежих ароматных новых данных! Пока он будет обнюхивать их длинным розовым носом, дрожа от возбуждения мозговыми вибриссами, бери его голыми руками и набивай чучелко.

И всё же – не хватает мне этого кусочка мозаики, чтобы понять, что вокруг творится.

– От тебя же не убудет, если ты его послушаешь?

Вот не факт. Мало ли чего наплетёт этот служитель культа. Как осознанный атеист я понимаю социальную важность религий, но их существование неприятно напоминает мне о том, что люди неспособны принять реальность такой, какова она есть. Им непременно необходима какая-нибудь системная ложь.

– Ну... ладно, пусть читает свою проповедь. Только недолго, мне ещё вещи собирать.

– Я передам ему, он придёт.

На том и разошлись.

– А можно я тоже его послушаю? – спросила Настя. – Мне отчего-то кажется, что это важно. Для меня важно.

– У меня есть знакомые священники, – ответил я, – некоторые из них вполне приличные люди. Но я тебя уверяю, любое кино интереснее их рассуждений. Даже артхаус вызывает меньше зевоты.

– Ну пожалуйста!

– Да ради бога, как бы он у них ни назывался. Вилку только не забудь.

– Зачем вилку?

– Лапшу с ушей снимать.

Эли увязалась за нами – она целый день таскалась за мной хвостиком, стараясь не упустить из виду и при любой возможности держать телесный контакт. Садилась на колени, обнимала или просто путалась в ногах, как голодный котик. Я чувствовал, что она тревожится, но не мог понять, от чего именно. Так-то поводов, откровенно говоря, хватало. Я и сам на нервах.

Цыгане припёрли ещё два складных кресла, а на столик поставили бутылку и стаканы. Я решил, что даже нюхать это не буду. С них станется клофелина туда подмешать.

Церковник имеет вид классического бродячего монаха – дерюжная хламида, капюшон. Думал, он мне сейчас задвинет из-под капюшона замогильным голосом что-нибудь пафосное про то, что бог велел делиться. Причём именно мне и именно с ним. Но он сумел меня удивить: непринуждённо сел в кресло, закинул ногу на ногу, набулькал в стакан вина, откинул капюшон – и оказался довольно обычным человеком лет слегка за тридцать. Небольшая аккуратная бородка, коротко стриженные чуть рыжеватые волосы, открытое, располагающее лицо. Приятная улыбка хорошего парня.

В общем, крайне подозрительный тип.

– Привет, меня зовут Олег.

– Отец Олег? – уточнил я.

– Какой я вам отец? – засмеялся он. – Молод я ещё для таких детишек.

– Извиняюсь, культурный шаблон.

– Когда-то меня так называли, – кивнул он, – но с тех пор многое изменилось. Теперь я не в церкви отцов, а в церкви детей.

– Так что тебя ни к чему не обязывает! – неожиданно широко улыбнулся он. – В отличие от той церкви, эта не пастырская.

– И какой тогда в ней смысл?

– Она даёт надежду.

– Им? – я махнул рукой в сторону табора.

– А им не нужно?

– Что им нужно, так это поменьше разевать рот на чужое имущество.

– Расскажите про Искупителя! – вдруг пискнула Настя.

Не замечал за ней раньше стремления вступать в чужие разговоры. С чего это её разоблало? Вот заведёт он сейчас ликбез на пару часов, и что?

– Это просто старая история, девочка, – не оправдал моих опасений священник, – не в ней суть.

– О чём она?

– О том, что, когда Мультиверсум начинает гибнуть, рассыпаясь, как выпущенная из рук колода карт, то в нём непременно рождается Искупитель. Тот, кто примет в себя его суть и переплавит её в новое бытие для всех. Рождённый от дочерей трёх народов, он будет обладать достаточной полнотой восприятия, чтобы Вместить Мультиверсум во всей его совокупности и стать его Новым Носителем. Там ещё много заглавных букв, это я вкратце.

– Один от трёх родится? – удивился я. – Тут даже непорочное зачатие отдыхает как концепция.

– Это легенда, – мягко ответил Олег, – кто знает, как исказилась она за тысячелетия устной традиции? Кроме того, поверь, я видел уже много удивительных вещей.

– Когда он должен родиться? – не отставала Настя.

– Многие считают, что вот-вот. Некоторые – что уже. Мультиверсум трясёт, срезы коллапсируют один за другим, это пугает. Цыганские глоты уверены, что он грядёт.

– Где его искать?

– Девочка, – удивился Олег, – никто не знает. Некоторые вообще считают, что это собирательный образ, аллегория единения людей перед лицом опасности. Мультиверсум не спасёт никто, кроме нас самих.

Настя неожиданно резко встала и, не попрощавшись, ушла в башню. Эка её таращит-то. Эли, вздрогнув, прижалась к моей ноге. Тревога нарастала, а я так и не понял, чего она боится.

– Знаете, – сказал я, – доводилось мне видеть людей перед лицом опасности. Так вот, чёрта с два они единялись. Кто дрался, кто прятался, кто счёты сводил, кто мародёрствовал под шумок. Оставались людьми, в общем. Существовами злобными, но забавными.

– По-всякому бывает, – не стал спорить Олег, – но я пришёл поговорить о маяке.

– Да кто бы сомневался, – вздохнул я.

– Я расскажу вам кое-что. Этот маяк – второй рабочий на весь обитаемый Мультиверсум. Возможно где-то есть ещё, но никто не знает, как их искать. Первый – в Чёрном Городе. В нём храм Церкви Искупителя. Рядом – приют для странников, обменный рынок, место помощи и ночлега, но главное – храм. Три раза в сутки служители включают маяк, и все идущие по Дороге могут сориентироваться. В остальное время там заряжают зоры, чтобы Люди Дороги могли идти дальше. Зоры, или как их ещё называют, акки, заряжает и Коммуна, но у них только зарядная станция. Маяк не работает. Да и цены их не для бродяг.

– Я вижу, к чему ты ведёшь, – мрачно сказал я, – к переделу зарядного рынка за счёт моей недвижимости.

– Дослушай, пожалуйста. Маяк Чёрного Города почти выработал ресурс и скоро погаснет. Возможно, это станет концом Дороги Миров. Говорят, когда-то Дорога была доступна и безопасна, чтобы выйти на неё, не нужны были зоры. Система маяков своими импульсами поддерживала её структуру столетиями, но Первые ушли, и маяки гасли один за другим. Теперь Дорога – опасное место, но она ещё есть. Не станет её – Мультиверсум распадётся. Кросс-локусы работать перестанут, возможно, и реперный резонанс будет недоступен. Никто не знает точно.

– Звучит как полный бред, – сказал я. – Ни за что не поверю, что базовая структура Мультиверсума поддерживается этой залупой с лампочкой.

Я махнул рукой в сторону башни.

– Масштабы несопоставимы. Уровни энергий. Два пьезоэлемента размером с голову, приливной привод, конструкция унитаза бачка с поплавком – и от этого Вселенная крутится? Соври чего посмешнее.

– Я не знаю, как это работает, – признался Олег, – но так написано в книгах, которые я читал. Иногда малое управляет большим. Слабенький импульс на управляющем контакте реле коммутирует огромные токи исполнительных устройств.

Я задумался – да, в этом что-то есть. Такая аналогия мне понятна.

– Марко очень испугался, когда ты сказал, что запрёшь башню и выкинешь ключ. Авторитет Церкви для цыган абсолютен, и он не представляет, что кому-то на неё плевать, как тебе.

– Зачем тебе это всё?

Я показал на дерюжную рясу с капюшоном.

– Мы земляки, а значит ты, даже считая себя атеистом, наверняка помнишь христианский символ веры.

– Не очень чётко, – признался я. – «Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца...»

– ...и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного с Отцом... – подхватил Олег. – Мы верим, что Иисус был рожденным без греха сыном Бога, распятым за их грехи и воскресшим. Но суть христианства не в этом. Его смысл – заповеди, учения отцов, наставления старцев, проповеди священников, исповеди и отпущение грехов. То, что отделяет общество людей от стаи хищных обезьян.

– А что-то таки отделяет? – не удержался я, но священник только головой покачал.

– Я недавно в Церкви, – сказал он, – мне ещё многое предстоит узнать. Но она хранит наследие Первых, помогает лишившимся дома, даёт ориентир тем, кто потерялся между миров...

– ...И для этого ей позарез нужен мой маяк! – закончил я его мысль. – Не знаешь, почему все песни про справедливость заканчиваются экспроприациями?

– Никто не отнимет у тебя маяк, – сказал он печально. – Жаль, что ты меня не слышишь, но я запретил цыганам трогать тебя и твое имущество. Они не уйдут, но ты можешь не запираешь дверей. Они не тронут тебя и другим не дадут. Я прошу лишь одно – не совершай поспешных необратимых поступков. Не закрывай маяк, не выкидывай ключ. Вряд ли тебя привлекает слава Герострата.

– Я подумаю, – сказал я серьёзно.

Так-то я и не собирался, если честно. Порыв прошёл, я даже на Марко уже не так сильно злился. Он же верил, что ни много ни мало – Вселенную спасает. От жадного эгоиста меня.

– Рад был познакомиться, – сказал Олег, вставая, – хотя ты и не представился.

– Сергей меня зовут. Или «Зелёный». На вот, отдай этому золотозубому долбоющеру. Я протянул ему два заряженных акка.

– Скажи, что зла не держу, но в следующий раз он так легко не отделается.

– Спасибо, – кивнул он, – это хороший поступок.

– Глупый.

– Хороший. Интересная у тебя девочка, – показал он на Эли.

– Она девочка только в том смысле, что не мальчик. Подозреваю, она нас обоих старше.

– Я читал про таких. Несчастные, искалеченные из дурной прихоти существа. Не обижай её.

– И в мыслях не было.

Эли цеплялась за меня так, что в башню её пришлось отнести на руках. Она излучала невнятную тревогу, что-то её пугало. Знать бы ещё, что... Может, и мне пора бояться?

Настя сидела наверху, на кровати, нахохлившаяся и мрачная. Разговаривать не пожелала. «Ничего. Всё со мной нормально». Ну, нормально и нормально. Ребёнок входит в подростковый кризис? Очень вовремя, блин. Так до вечера и не разговаривали, и даже ужин я сам приготовил.

Цыгане больше не лезли и к башне не приближались, но двери я на всякий случай закрыл. Церковь церковью, а долбоёбов никто не отменял. На Аллаха надейся, но верблюда привязывай. Эли немного успокоилась, а ночью, когда пришла спать ко мне подмышку, совсем расслабилась и даже замурлыкала по-своему. Не знаю, у кого поднимется рука её обидеть. Это как котёнка пнуть. В ту памятную ночь с Криспи я убедился, что она... не везде такая маленькая, в общем. И, наверное, захоти я этим воспользоваться, она была бы не против. Но в том, как она сопела мне под ухом, не было ни грамма эротики. Пусть так и дальше будет.

Утром сварил кофе, сделал омлет себе и детям, поднялся будить Настю – а кровать пустая. Дверь башни открыта, просто притворена. Вот ещё не хватало! Подёргался туда и сюда, огляделся – нигде нет девчонки. С тяжёлым сердцем направился к табору. Я бы предпочел игнорировать цыган полностью, да вот – не получается. Не дай бог, они ребёнка обидят!

– Она сама пришла! – сразу заявил выбежавший мне навстречу Марко.

Видимо, что-то было у меня в лице такое... Хотя выглядел я скорее нелепо. Трудно выглядеть свирепым мстителем, если на тебе висит таким рюкзачком Эли. Остаться одна в башне она категорически отказалась, а идти сама – ножки маленькие. Уцепилась за плечи, обхватила талию ногами – и так поехала. Я не возражал – случись со мной чего дурное, она в закрытой башне просто с голоду умрёт. Пусть висит, не тяжёлая.

– Надо же, – пригляделся к ней цыган, – я думал, таких уже не осталось. Продай, а? Два зора дам!

- Так. Вот сразу нахрен пошёл с такими идеями.
- Два зора и племянницу свою! Шестнадцать лет, самый сок!
- Меня сейчас плохо слышно было?
- Три! Три зора! Племянницу смотреть будешь?
- Что непонятного в слове «нахрен»?

А прибедрялся-то. Зоры, мол, последние, нищие мы, несчастные...

- Девочка где?
- Слушай, интересная у тебя дочка!
- Она мне не дочка. Но я за неё отвечаю. Где она?
- Пришла, просила рассказать про Искупителя. Не могу же я прогнать девочку? Я мало знаю, отвел к своей глойти, они разговаривают! Не надо сердиться! Никто её не тронет!
- Ещё скажи, вы детей не воруете...

Вокруг бегала с жуткими воплями толпа грязнуль мал-мала-меньше, и разноцветье голов намекало, что не все они уродились «фараоновым племенем».

– Всякое бывает, – не стал спорить Марко, – но им лучше у нас, чем там, где они были. Пойдём, провожу.

Мы пошли через табор, который, к моему немалому огорчению, уже выглядит так, как будто был тут всегда. Вокруг машин раскинулись шатры и палатки, галдят пёстрые тётки, висят на верёвках мокрые тряпки, несёт дымом, едой, портянками и сортиром. Это у меня тут теперь постоянный аттракцион, что ли? Я как бы против.

Палатка глойти чуть в стороне и представляет собой кислотно-розовый шатёр из потрёпанной парусины. Увидев меня, женщина-колобок возмущённо затрясла жирами:

– Уди, кринжовый чел!

Они с Настей сидят на коврике друг напротив друга и пьют чай. Перед глойти здоровенная, размером с ведро, плошка с выпечкой. Пахнет потом, корицей и дешёвой косметикой.

- Пойдем-ка домой, – мягко сказал я девочке, протягивая руку.
- Да, наверное... – она задумчиво взялась за мою кисть, и я легко поднял её на ноги.
- Ты меня напугала, – сказал я, когда мы отошли подальше.

Эли так и висела у меня на спине и это уже начинало утомлять. Как она сама не устаёт?

– Мне нужно было узнать про Искупителя.

– Зачем?

– Не знаю. Нужно.

– Тебе это не кажется странным?

– Кажется. Наверное. Не знаю. Прости.

Отлично поговорили, блин. Сразу всё понятно стало. Пожалуй, единственное, чего мне не хватает сейчас для полного счастья – это подросткового религиозного психоза.

Эли пискнула мне в ухо и задёрнула за плечо. Я обернулся, нервно хватаясь за пистолет, обнаружил, что он под её бедром. Отличный из меня ганфайтер, с девичей поперх кобуры. Но это всего лишь открылся портал. Из него вышли Криспи и Ниэла. Крис помахала мне рукой, я помахал в ответ. Неужели хорошие новости?

Криспи чмокнула меня в щеку, обняла Настю, потрепала по голове Эли и, кажется, была искренне рада нас видеть. Ниэла сухо поздоровалась. Она вообще ко мне не очень, я заметил. Ревнует немного, я думаю. Не в том смысле, а к тому, что я как бы занял при Крис её место наставника.

– Сергей, мы начали, – сказала Криспи, когда мы собрались за столом в башне.

При Ниэле она стесняется сокращать моё имя до интимного Се и даже дружеского Сер. Тоже, видимо, чувствует напряг.

– Начали что? – не понял я.

– Нашу, как ты говоришь, «революцию». Я знаю, что тебе не нравится эта идея, но дальше тянуть нельзя.

– Альтерион задыхается под гнётом Совета! – пафосно объявила Ниэла.

Надо же, не замечал за ней никогда такой страсти к лозунгам. Казалась более вменяемой, если честно.

– Ну, флаг вам в руки, девушки, барабан на шею и бронепоезд навстречу. А по моему вопросу что?

– Мы созвали экстренное заседание Совета, – не слушая меня продолжала Ниэла, – и мы будем транслировать его в информ. Мы обвиним их в узурпации власти, употреблении Вещества, и социальных манипуляциях. Мы потребуем полных прав для всех мзее и закрытии «Дела Молодых». И это увидит каждый альтери!

– Вы наглухо пизданулись, но это не моё дело. Что с моей семьей?

– Крис настаивает на твоём участии, – сказала Ниэла, скривившись, – ты нам нужен.

Чёрта с два она считала, что я нужен. Но Крис Юная, и без неё эту тетку на Совет даже не пустят. Будет, как все, по телеку смотреть.

– Семья.

– Если ты нам поможешь, заберёшь семью обратно. Или будешь жить с ней в Альтерионе как полноправный гражданин. Твоё дело. Но сначала – помощь.

– Крис, – спросил я, демонстративно игнорируя Ниэлу, – вы ещё даже не начали, а ты уже берёшь заложников? Интересные у тебя представления о всеобщей справедливости. Далеко пойдёшь.

– Сергей...

Настя принесла нам чай и присела с чашкой неподалёку.

– Сергей, помоги нам, пожалуйста.

Если бы она сказала «мне» – я бы, может быть, задумался.

– Крис. Я могу помочь только тебе и только одним. Когда вас, ебанутых анархисток, начнут там к стенке ставить – а начнут непременно, поверь, – открывай портал и беги сюда. Я закрою за тобой дверь башни и помогу отстреливаться из окон. Но при одном условии – моя семья будет со мной.

– Я говорила тебе, Крис, – презрительно сказал Ниэла, – он просто трус.

Так я вроде и не отрицал никогда?

– Он не может думать ни о чём, кроме семьи. Он не нужен.

Криспи смотрела на меня молча и печально. Мне её жалко, честно, это всё плохо кончится. Но мою семью мне гораздо, гораздо жальче.

– У меня для тебя есть ещё один вариант, – сказала Ниэла. – Не хочешь бороться за правое дело и заслужить – купи. Крис сказала, что в твоей башне можно заряжать акки. Преодоление энергетического дефицита Альтериона – это будет мощнейший аргумент в пользу наших реформ. Ты нам башню – мы тебе семью.

– Ого, уже и выкуп требуете? Крис, ты уверена, что на правильной стороне?

Криспи сидела и молча глядела в стол. Надеюсь, ей хотя бы стыдно. Ну почему борцы за светлое будущее так любят делать это за чужой счет? И главное – почему этот счет мой?

– Мы ведь можем и настоять, – вкрадчиво сказала Ниэла. – Подумай.

– Шантаж? Угрозы? Девушки, вы просто ходячая реклама социальных преобразований Альтериона. Страшно представить, как расцветёт справедливость от ваших реформ.

– Не надо, Сергей, – тихо сказала Криспи, – мне очень неловко, но у нас нет другого выхода. Пойдем, Ниэл.

– Вот ещё! И не подумаю! Нам нужна башня! Хватит его облизывать!

Ниэла ловко вытащила из-под складок свободного платья штуку, похожую на пластмассовый китайский миксер с венчиками для взбивания крема. Только эта штука взбивает не крем, а мозги. Нелетальная, но очень неприятная глушилка альтери. Полицейское оружие общества, в котором формально нет полиции.

– Ну, вообще зашибись, – сказал я, – не вижу отсюда, там есть мушка, чтобы её спилить? Вряд ли они поняли шутку.

– Ниэл, не надо... – начала Криспи, но тут внезапно ожгла Настя.

– Оставьте его в покое! – она не кричала, но говорила таким жутким безжизненным голосом, что даже я покрылся холодным потом.

От неё не просто фонило – она давила, как гидравлический пресс.

– Не. Смейте. Ему. Угрожать!

Может, она хотела нагнуть конкретно Ниэлу, но накрыло всех. Женщина уронила свой миксер и, побледнев, схватилась за голову. Крис, закатив глаза, сползла под стол, у меня поплыли цветные круги и сильно закололо сердце. Вот дам я сейчас дуба, и что тогда? Я хотел сказать ей, чтобы прекратила, но у меня никак не получалось.

В каминный зал вбежала Эли. Кинувшись к Насте, встала перед ней и закричала. В первый раз слышу от неё что-то кроме тихого писка. Маленькая женщина кричала на девочку как сирена тревоги, на одном высоком тоне, громко и повелительно. И нас постепенно отпустило.

Настя вдруг прекратила давить, вскрикнула, зарыдала и, закрыв лицо руками, убежала наверх. Эли замолкла и тихо повалилась на пол там, где стояла. Я бросился её поднимать, не забыв по пути прихватить валяющийся «миксер». Вроде бы, ничего страшного – просто бледная, вспотела и дышит тяжело. Перенапряглась.

– Активный эмпат, – сказала странным тоном Ниэла, – и такой сильный... Это интересно.

– Убирайтесь. Проваливайте. Вы заслужили всё, что с вами скоро произойдёт. Криспи, от тебя такого паскудства не ожидал, правда. Ниэла – в следующий раз я выстрелю первым.

Криспи что-то пыталась мне сказать, но после Настиного перформанса, слова и мысли у неё путались. Вроде бы, она сожалела. Не понял только, о чём именно. Да и неважно. Они ещё какое-то время ждали портал, но я в ту сторону даже не смотрел. Не хотел видеть Криспи. Давно мне не было так погано.

До вечера суетился вокруг Насти. Её то колотило в сухой истерике, то прорывало слезами горьких рыданий, то бросало в ступор, когда она сидела с каменным лицом, смотря в стену. Последнее было особенно страшно. Эли то пыталась её утешить, то в ужасе от неё шарахалась, а я чувствовал себя санитаром в дурдоме.

К ночи более или менее успокоились, Настя перестала метаться и уснула, прорывав мне рубашку насквозь. Поговорить с ней так и не получилось, на вопросы мотала отрицательно головой. Ну ладно, может, с утра будет поспокойнее. Уснул в обнимку с Эли, закрыв на всякий случай дверь и спрятав ключ. Не знаю, кто кого больше успокаивал, я её или она меня – но вместе как-то уснули. Хорошо с ней спать, уютно. Правда, не знаю, как это объяснить жене.

Утром Настя спустилась, как ни в чём не бывало, поздоровалась, пожелала доброго утра, умылась и даже приготовила завтрак.

– Как ты? – спросил её я.

– Мне лучше, спасибо. Не знаю, что на меня вчера нашло. Наверное, я просто за вас испугалась. Или – как вы говорили? – гормональный шторм. Простите, что напугала.

– Ничего, я уже начинаю привыкать. Тебе что-то нужно?

– Можно я схожу к Любишке?

– Это кто?

– Глойти, ну ты её видел, смешная такая, пухлая. Мне надо кое-что выяснить.

Ну, «пухлая» – это она очень мягко сформулировала, конечно.

– Я им не особо доверяю, Насть. Ненадёжный это народ, цыгане. Их обещания ничего не стоят, если даны не своим. А мы им не свои.

– Они не причинят вреда. Мне это важно, пожалуйста.

– Можешь объяснить, зачем?

– Пока нет. Я ещё сама не разобралась. Может, позже.

Что-то не очень мне в это верится. И ещё меньше нравится. Но вряд ли люди Марко рискнут сейчас её обидеть, не та ситуация.

– Пожалуйста, Сергей!

Эли внезапно подскочила на стуле, разлив свой сладкий фруктовый чай, и крикнула на неё. Коротко и сердито, как маленькая тонкоголосая ворона.

– Ой, простите, простите, я не специально...

– Тебе это настолько важно, что ты пытаешься на меня давить? – удивился я.

– Нет, нет, я не хотела, я...

Так, вот ещё одного дня рыданий мне не хватало. У меня другие планы.

– Всё, всё, проехали. Просто старайся держать себя в руках.

– Я буду, честно.

Отвел её к табору, намекнул Марко: если что – пусть не обижается. Взял ещё три акка – два на зарядку, один себе. Пригодятся, у меня зреет идея. Может быть, не лучшая, но надо же что-то делать?

Все известные мне пути в Альтерион перекрыты и под контролем. Но, на самом деле, путей туда много. Просто я их не знаю. Но есть те, кто знает – проводники и контрабандисты. Я не обзавёлся в их среде полезными знакомствами, но есть Ингвар. Он не откажет мне в небольшой просьбе. Если не сможет сам – сведёт с теми, кто может. А акк – более чем достаточная плата практически за что угодно. Проблема в том, что Ингвара довольно сложно поймать. На родине он теперь бывает редко, предпочитая базироваться... К стыду своему, не знаю точно где. Но не в Альтерионе. «Душные они какие-то», – признался он как-то. Мне бы тогда к нему прислушаться...

Но в нашем общем родном мире он бывает регулярно. Торговые операции и всё такое. Ему можно просто оставить сообщение в офисе у секретарши. Не сразу, но он его получит. Дорогу ко мне он знает. Засада в другом – я боюсь выходить через гараж. Отчего-то уверен, что Контора с нетерпением ждет возможности со мной побеседовать. А я, наоборот – не горю желанием. При этом её возможности организовать встречу существенно превышают мои шансы от randevу уклониться. Такая вот неприятность.

Есть ещё выход через деревню. Я им давно не пользовался, потому что после неких событий там полнейший разгром и вообще делать нечего. Открою проход без проблем, однако оттуда до города далеко, дорога слишком плохая для микроавтобуса, а на «зубилку» у меня документов нет, если она вообще не в угоне. Кто знает, где её те два урода взяли. Да и нет у меня гарантий, что тот выход не пасут. Сейчас это запросто – копеечный датчик движения с сим-картой и радиомодулем. Сработал – ушло СМС. Сидеть караулить не надо. Потом меня просто на въезде примут.

Поэтому идея у меня была другая – воспользоваться проходом грёмлэнг, которым меня когда-то Сандер к йири проводил. Община гремлинов давно покинула наш срез, но их бидонвилль на окраинах Гаражища никуда не делся. Не знаю, что там. Надеюсь – ничего. Выйти тихо-нечко, дойти до Ингвара. Если повезёт – он в городе. Если нет – с везением у меня в последнее время туго, – то получит сообщение потом, как объявится. Это может быть небыстро, но это шанс. Осталось только уговорить Эли как-то от меня отлипнуть, потому что с этой дамочкой на спине я буду, мягко говоря, привлекать внимание, а она ведёт себя так, как будто мы сиамские близнецы.

Ну вот, опять.

– Чего тебе, мелочь?

Эли дергала меня за штанину и тянула к выходу. От неё так и несло тревогой.

– Да что там стряслось?

– Сергей, Сергей! – донеслось снаружи.

Я вышел из башни, стараясь не наступить на путающуюся в ногах Эли. Марко размахивал руками и кричал, однако демонстративно не подходил ближе оговоренного. Не пересекал невидимую черту. Я присел на корточки, Эли запрыгнула мне на спину, обхватив ногами – уже почти привычная процедура, – и мы подошли.

– Сергей, беда. Нехорошее случилось.

– Что такое?

– Девочка твоя. Говорила с глойти, потом пошла домой.

– И?

– Открылась дырка вон там, вышла женщина, ткнула в неё штукой, девочка упала, она её унесла, дырка закрылась, – выпалил цыган.

– Марко, если это вы её...

– Нет, Сергей, нет! Это же альтери, с ними ни один даже самый дурной цыган дел иметь не будет! Западло!

– Как выглядела женщина?

Марко довольно подробно описал Ниэлу. Я почему-то так и подумал. Тварь. Ненавижу.

– Сергей, мы были далеко, мы не могли ей помочь!

Марко ушёл, а я стоял, как ломом ушибленный, и думал, что теперь уже совсем жопа. Если Мироздание заготовило мне ещё сюрпризы, то ему придется постараться, чтобы стало хуже.

И оно постаралось.

За спиной послышался знакомый звук мотора. Я повернулся – по дорожке катился УАЗик. Артём вернулся.

– Привет, – сказал он, заглушив мотор, – а вот и я. Что случилось?

Видимо, на моём лице было всё написано.

– Прости, – сказал я, – не сберёг.

ГЛАВА 4. ЕГО ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬСТВО

– Почему-то всех интересует, как мне с тремя, – пожаловался Артём.

Мы сидели в башне и самым пошлым образом пили. Не то с горя, не то за встречу.

– Я не спрашивал! – возмутился я.

– А, всё равно спросишь. Не сейчас, так через два стакана. Все спрашивают.

– И как тебе с тремя? – не стал я затягивать.

– Хорошо мне. И вчетвером хорошо, и по очереди, и во всех возможных сочетаниях.

Завидуй!

– Завидую, – кивнул я, – так редко бывает.

– Вообще не бывает. Они так меня чувствуют, что аж страшно иногда. Ты ещё сам не понял, чего тебе хочется – а они уже. Не только в постели, вообще.

– Такая любовь? – удивился я.

– Не знаю, – покачал головой Артём, – не самое подходящее слово, мне кажется. Как будто они взяли на себя долг идеальных жён. Им это, пожалуй, даже нравится, но любовь... Нет, вряд ли. Что-то другое. Но это было прекрасно. Лучшие три месяца моей жизни.

– Три месяца? – поразился я.

– А здесь сколько прошло?

– Меньше недели.

– Да, коэффициент большой. Там, в Центре Мира – они так называют это место не то в шутку, не то всерьёз, – стоит такая хреновина, которая его тормозит что ли.

– Стоп-стоп, давай подробнее, это куда интересней твоих групповух.

– Я не очень много знаю. Общались там с одной девушкой, Корректором.

– Кем?

– Корректором. Такие люди. Теоретически, каждый из них может стать Хранителем.

– Я думал, Хранители – это не люди, а явление природы. Их Мироздание высирает готовыми из своей каменной задницы.

– Они и не люди в каком-то смысле. Когда срез готов к коллапсу, какой-нибудь несчастный подросток в нём вдруг просыпается с нечеловечески синими глазами. Вокруг него начинает разворачиваться воронка событий, приводящая к гибели мира.

– Именно подросток? – я не выдержал и схватил блокнот, где делал заметки для анализа.

Чуть бутылку не опрокинул.

– Почему-то да. Может, и есть исключения, но в Школе Корректоров от тринадцати до семнадцати примерно. Это те, кого успели изъять из среза до того, как коллапс завершился.

Из них могут вырасти Хранители.

– А могут и не вырасти? – я быстро записывал.

– Никаких гарантий. Хранитель – это как бы составная часть Мультиверсума. Он... Слушай, – махнул рукой Артём, – там дальше какая-то дурная метафизика пополам с философией, я не понял почти ничего. Давай лучше ещё выпьем.

– Выпьем, конечно, – я разлил коньяк, – но ты всё же попробуй как-то сформулировать. Мне нужны данные.

– Они, Хранители, как бы в Мультиверсуме, но при этом и Мультиверсум в них. Понятно?

– Нет. Но ты продолжай.

– Операционная система и одновременно оперативная память. Коллективное сознание, в котором хранится представление о Вселенной и при этом сама Вселенная, хотя они не снаружи, а внутри неё.

– Мне не стало понятнее, но это неважно. На Оркестратора йири чем-то похоже. А мы точно не в компьютерной симуляции?

– Скоси глаза влево-вниз. Сильнее. Ещё сильнее. Интерфейс не всплывает?

– Нет.

У меня глаза чуть внутрь головы не провернулись. Не стоит такое проделывать нетрезвым.

– И у меня нет. Значит, не симуляция. Наверное. Меня так один юный Корректор развёл, но я до сих пор ни в чём не уверен. В общем, в Школе Корректорам постепенно выворачивают мозг хитрым образом, и они начинают видеть Мультиверсум таким, каков он есть.

– Это каким же?

– Без понятия. Но они все ходят в специальных очках, иначе, как выразилась одна девушка, «текстуры просвечивают».

– Звучит жутковато.

– На самом деле всё не так страшно, – он задумался. – Или так. Или ещё страшнее, не знаю.

– И кто там преподаёт, в этой Школе? Сами Хранители?

– Нет, что ты. Церковники. Церковь Искупителя, слышал?

– Довелось.

– Ну вот. А так-то, не поверишь, я там эти три месяца лекции читал. О срезках, которые видел, о причинах, по которым они могли сколлапсировать, и ещё о всяком. Но я не так много знаю, так что быстро выдохся. Учеников всего два десятка, а аудитория огромная. Наверное, когда-то много их было. Сидят, очками своими смотрят, слушают внимательно. Странно было сначала, но привык. Нормальные ребята, в целом.

– Сюда не спешил, я смотрю.

– Я же знал, что временной коэффициент. Извини. Теперь и не пойму, как быть. Мне бы лучше быстрее вернуться, а то они без меня родят.

– Родят?

– А я не сказал? Все три понесли чуть не в первую ночь. Ходят теперь такие загадочные, переглядываются. Мне даже не по себе становится иногда.

Он допил коньяк из бокала, подумал и признался:

– Да постоянно не по себе. Знаешь, такое ощущение, как будто я свою функцию выполнил. Меня не гонят, ни в чём не отказывают, но дальше я уже не особо и нужен. Вот я, как в Школе освободился, сразу рванул сюда, за Настей. А тут...

– Прости. Так вышло. Но теперь у меня есть УАЗик. Как я понимаю, на нём можно попасть в Альтерион?

– На нём практически куда угодно можно попасть. Кстати, ещё выпить есть?

– Объяснишь, как? Выпить нету, всё кончилось.

– Я с тобой поеду. И это не обсуждается. А взять негде?

– Буду рад любой помощи. А вот гастронома тут не построили.

– Слушай, там же цыгане, ты говорил.

– И что?

– У них наверняка есть.

– Предлагаешь к цыганам?

– Это древняя почтенная традиция – нажраться и к цыганам. Сам Пушкин не пренебрегал.

– Я им не доверяю.

– Мне они ничего не сделают. За меня говорил Малкицадак!

– Это что за хрен?

– Неважно. Верь мне.

И мы пошли к цыганам.

К счастью, Эли к тому моменту уже утомилась нашим пьяным трёпом и ушла спать, так что мы закрыли башню и отправились вдвоём. Ключ я предусмотрительно спрятал. Не знаю, кто там за кого и что именно говорил, но народец вороватый. Оказавшись на улице в темноте, понял, что куда более пьян, чем мне казалось – давно не пил помногу, отвык. Но мы всё равно попёрлись, а как же.

В таборе горели костры, шумела вечерняя жизнь. Нам, как ни странно, обрадовались. Или вид сделали.

– За тебя говорил Малкицадак! – торжественно приветствовал Артёма Марко.

– И ты проходи, – небрежно поздоровался со мной.

У них, конечно, было. Тут же организовался стол, какие-то закуски, какие-то песни, кто-то плясал, может быть, даже я. Конец вечера оказался смутным. Давно я столько не пил.

Проснулся в палатке. Не сразу понял, где я, кто я и зачем. Рядом сопит тело. Пощупал – женское. В ужасе подскочил – нет, не толстая глойти, о которой я почему-то тут же подумал. Было у меня вчера что-то с этим телом? Не помню. Лучше бы нет.

На улице сидел за столиком смурной с похмелья Артём. Эка мы рога-то в землю...

– Поправишь здоровье? – хрипло спросил он. Лицо его было бледным, глаза красными.

– А давай, – согласился я. Всё равно день пропал.

Выпили по стакану какого-то невкусного пива, побрели в башню.

– Ну и ночка... – пожаловался Артём.

– Да, нарезались мы знатно.

– Что нарезались – так это полбеда... А что мне потом подложили... Двух? Или трёх? Чёрт, как в тумане. Кажется, они на мне сменялись, как на конвейере. Чувствую себя племенным осеменителем, блин.

Я бы ему посочувствовал, но меня мутило.

В башне, стоически перетерпев бурное возмущение брошенной на ночь в одиночестве Эли, запер двери и завалился спать. Интересно, что на Артёма она ноль внимания. Выбрала меня в хозяева?

Собрались ехать на следующий день. Ну, как собрались? Что нам собираться? Я проверил УАЗик, нашёл его в целом исправным – есть в чём поковыряться, но ездит и так. Нормальное состояние для этой машины. Заменял полуразряженные акки резонаторов на свежие, заправил баки, долил в канистры бензин. Взял пистолет, хотя сражаться ни с кем не планировал. У Артёма оказался потертый «макар» с полутора обоймами, и я досыпал ему патронов трофейных, к «Глоку» моему они не подходят. Впрочем, сдаётся мне, вояка из него ещё хуже, чем из меня.

Эли пришлось брать с собой. Остаться одна она отказалась, закатив истерику. Настоящая, непритворная истерика эмпата – это что-то с чем-то. Наверное, можно было как-то преодолеть, запереть её и уйти, но... А если с нами что-то случится? Цыганам я её не оставлю, памятуя про цену в три акка и племянницу. Не удержатся, сопрут. Ладно, много места она не занимает. Будет жене сюрприз.

Башню запер наглухо. Ключ спрятал неподалёку. Надёжно спрятал, хорошо. Теперь, если мы не вернёмся, всем придётся с маяком обломаться. Но это будут не наши проблемы.

– Поехали?

– Давай, – Артём щёлкнул переключателем резонаторов, и УАЗик сразу стал немного не здесь.

– Думай о жене, – сказал он, когда вокруг проявилось туманное марево Дороги. – На близкого человека можно настроиться, я точно знаю. Ольга меня вот так находила.

Я представил себе жену, и так вдруг по ней затосковал – даже сердце заболело. Все эти дни запрещал себе о ней думать, не рвал душу, а тут накатило. Эли вцепилась мне в плечо поверх спинки сиденья и тихо заскулила. Даже Артёма, кажется, проняло. Зато я понял, куда ехать. И поехал.

Мы сделали два «зигзага» – выскакивали с Дороги в срезы, проезжали там и ныряли обратно. Я не очень понял, зачем это надо, но ему виднее. На первом зигзаге пропылили по сельской грунтовке, на втором – съехали вниз по горному каменистому серпантину. В обоих мирах было пусто. Говорят, теперь так почти везде. Какая-то фигня творится с Мультиверсумом. Но Мультиверсум может сам о себе позаботиться, а моя семья – нет.

И вот из очередного туманного пузыря Дороги мы выкатились прямо на подъездной дорожке к дому.

Добрались.

Я обнял жену и стоял, дыша запахом её рыжих волос. Не мог оторваться, не находил, что сказать.

– У-ииии! Папа! – Машка, белокурое торнадо.

Притопал младший, встал в дверях, смотрит строго. Серьёзный молодой человек, хоть и лысый пока.

– Здравствуйте, дорогие мои. У нас много разных странных новостей, но это потом. Сейчас – бегом в машину. Машкин, лови кота. Лен, одевай Тимку. Всё бросаем, плевать на вещи.

– Я соберу самое основное, я быстро.

– Я не знаю, как скоро они очухаются и примчатся, так что быстрее. Просто так вас не отпустят.

– Я знаю, Криспи вчера заезжала. Ей было так тяжело и неловко! Бедная девочка.

– Бедная девочка? – наверное, только моя жена может вот так пожалеть женщину, которая была как родная, а потом практически взяла их в заложники.

– Она же влюблена в тебя по уши, с тех пор ещё. Думаешь, я не вижу? От любви люди делают страшные глупости. Надеюсь, она хотя бы получила от тебя... То, что хотела. Нет, не говори, не хочу знать.

Это моя Ленка. Она такая.

– Быстрее, быстрее! – нервничал я.

Но кот решил спрятаться от суеты под кровать, дочка не могла покинуть несколько любимых кукол, жене нужны были какие-то страшно важные вещи младшего и что-то, что никак нельзя оставить.

Я просто физически чувствовал, как уходит наше время.

Жена выволокла здоровенную длинную сумку, я аж охнул – кирпичи у неё там, что ли? Плевать, неважно. Закинул в багажник.

– Всё?

– Всё. Эвелина живет в трёх километрах примерно по этой дороге.

– Эвелина?

– Мы не можем её оставить. У неё отберут ребенка. Она уже собирает вещи, я ей позвонила.

– Позвонила? Дорогая...

– Ой, – осознала ошибку жена, – прости. Я не подумала.

– Бегом в машину. Это Артём, наш штурман. Вы вообще-то виделись, но ты не помнишь.

А это... Эли. О ней потом.

– Привет Эли, я Маша! – раздалось сзади. А эту куклу зовут Триша, ласково – Три. Смотри, какое платье!

Эти точно договорятся как-нибудь.

– Насти тут нет, – констатировал Артём.

– И не должно быть, наверное, – я спешил изо всех сил, мотор рычал, железо лязгало. – Сейчас перекинем моих к башне и отправимся за ней. Надеюсь, ты сможешь на неё навестись.

Эвелина, видно, дама опытная. Выскочила из своего домика – почти такого же, как наш, но поменьше – уже с сумкой, таща за руку индифферентного сына. Он шёл с неохотой, она нервничала, спешила – но было поздно.

– Воздух! – крикнул Артём.

Альтерионский контрольный дрон выскочил из-за рощицы и промчался над нами на небольшой высоте, под острым углом к дороге. Я даже дёрнуться не успел. Мотор дал сбой – и заработал дальше. Вот так-то, выкусите! УАЗик карбюраторный, чихать он хотел на ваше ЭМИ.

– Залезайте, залезайте быстрее! Потеснитесь там сзади как-нибудь!

Эвелина пихала сына в машину, он не хотел, вяло отмахивался. Ленка тащила его за шиворот, но он выворачивался, задрав рубашку до подмышек.

– Да поспешите вы!

Что-то звонко ударило по машине, потом ещё и ещё раз. Загорелась аварийная лампа давления масла, манометр упал на ноль, стекло лобовика запотело от вылетевшего паром под капот тосола. Мотор встал, резко запахло бензином.

– Из машины все, бегом!

Эвелина с Ленкой резко выпихнули ничего не понимающего пацана наружу. Тот стоял и глазами лупал – только что тащили туда, теперь – оттуда... Мишенью мы были отличной, дрон прицельно стрелял по моторному отсеку, превращая в решето совсем неплохой ещё двигатель. Оттуда клубами валил пар и тянуло горелым.

– Огнетушитель в багажнике!

Артём быстро выкидывал вещи на землю. Я дважды пальнул в сторону дрона из пистолета, даже не надеясь попасть, просто с досады.

– Банг! – глухо хлопнуло рядом.

Я обернулся. Ленка, с незнакомым выражением на лице целилась, оперев чёрную винтовку с оптикой и неестественно толстым стволом на откинутую вбок калитку запасаки.

– Банг!

Висящий метрах в двухстах дрон разлетелся брызгами пластика и рухнул на землю.

– Мвора ва кубра! – торжествующе оскалилась она.

– Что? – растерянно спросил я.

– А? – моя жена с некоторым недоумением смотрела то на меня, то на винтовку в руках. – Это я сделала?

Это была единственная наша победа. Я потушил машину, но моторный отсек выгорел почти полностью. Отстреливаться до последнего патрона было глупо и незачем, и, когда подъехали машины службы контроля, мы просто сдались.

До вечера нас держали в каком-то казённом помещении с мягкими креслами. Для детей выделили раскладные кровати, всем принесли еды, даже коту. Никто нас не допрашивал и не обыскивал, забрали только оружие. Мы сидели, обнявшись с женой и детьми. От её волос непривычно пахло порохом.

Артём рассказал историю Эли.

– Вечно ты подбираешь бездомных котят, – улыбнулась жена.

Рассказали ей про Настю – каждый свою сторону картины. Но кратко, очень контурно. То, что она манипулировала Артёмом, я озвучивать не стал. Если сам два и два не сложит – я ему не учитель арифметики.

Гадал – придёт на этот раз Криспи, или нас на общих основаниях к стенке поставят. Что тут делают с такими злостными нарушителями социального порядка?

Не угадал – пришла Ниэла. Беседовать она соблаговолила только со мной, отведя в отдельный кабинет.

– Ну, как ваша революция? – без особого интереса спросил я.

– Как я и говорила – мы прекрасно без тебя обошлись.

– Так, может, отпустите?

– Общество альтери шокировано нашим выступлением на Совете! Твоя девочка – просто чудо какой транслятор, они даже слово поперёк сказать не смогли! – хвасталась Ниэла, игнорируя мой вопрос. – Государственные системы парализованы, мы просто подобрали власть с пола! Альтерион ждут великие преобразования!

– Могу себе представить, – уныло сказал я, – так что насчёт нас? И девочки? Мы вам больше не нужны.

– Всё пока идёт прекрасно!

– ...сказал упавший с крыши, пролетев первые пять этажей. И всё-таки, что будет с нами?

– Башня. Нам нужна своя зарядка акков. Это станет решающим аргументом против прогнившей власти старого Совета – они десятилетиями не могли добиться энергетической независимости, а мы дадим её сразу. Но, поскольку ты уже один раз отверг моё предложение, условия нового будут хуже.

– Внимательно слушаю.

Впервые в жизни мне хотелось задушить женщину. Медленно, не спеша, глядя в стекленеющие выпученные глаза. Ладно, преувеличиваю. Можно просто пристрелить эту суку. Из гигиенических соображений – чтобы Мультиверсум стал чище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.